

Кэтрин
Уэбб

Наследие

Санкт-Петербург

Katherine Webb THE LEGACY

Copyright © 2011 by Katherine Webb

First published in 2010 by Orion Books Ltd., London

All rights reserved

Перевод с английского Елена Мигуновой

Оформление обложки

Сергея Шикина и Екатерины Платоновой

Уэбб К.

Наследие : роман / Кэтрин Уэбб ;
пер. с англ. Е. Мигуновой. — СПб. :
Азбука, Азбука-Аттикус, 2016.

ISBN 978-5-389-11545-3

16+

Эрика и ее старшая сестра Бет приезжают в родовое поместье в Уилтшире, которое досталось

им от недавно умершей бабушки. В детстве они проводили тут каждое лето, до тех пор пока не исчез их двоюродный брат Генри — у Росного пруда, недалеко от дома. Стортон-Мэнор — большой старинный особняк и надежный хранитель семейных тайн — погружает сестер в воспоминания об их последнем лете в Уилтшире, и Эрика пытается понять, что произошло с Генри... Постепенно, сквозь глухие провалы времени начинают проступать события давно минувших дней, наследие прошлого, странным образом определившее судьбу героев. «Наследие» (2010) — дебютный роман английской писательницы Кэтрин Уэбб, имевший огромный успех. Книга была номинирована на национальную литературную премию Великобритании в категории «Открытие года», переведена на многие языки и стала международным бестселлером.

© Е. Мигунова, перевод, 2016

© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательская
Группа „Азбука-Аттикус“», 2016
Издательство АЗБУКА®

Маме и папе

ПРОЛОГ

1905 год

Мало-помалу Кэролайн приходила в чувство. Оцепенение, сковавшее ее разум, рассеивалось, в голове проносились мириады мыслей, они метались, как птицы по клетке, слишком быстро, так что она не успевала их уловить. Неуверенно она поднялась на ноги. Ребенок все еще лежал здесь, на кровати. От мгновенно вспыхнувшего страха у нее взмокла спина. Где-то в глубине души тлела безумная надежда, что его тут не будет, он

каким-то образом исчезнет, а еще лучше — окажется, что его и вовсе не было, а все это ей пригрезилось. Ребенок старался перебраться на дальний край кровати, пытался ползти по скользкому и мягкому шелковому покрывалу. Захватывая ткань сильными кулачками и подтягиваясь, он словно медленно плыл по синезеленой глади. Какой же он стал большой и крепкий. В другом месте, в другой жизни мог бы вырасти воином. А волосы густые, черные как смоль. Ребенок добрался до дальнего края кровати, повернул голову и посмотрел на Кэролайн. Потом издал отрывистый звук, похожий на кряканье, и, как ни глупо, Кэролайн могла бы поклясться, что он о чем-то спросил ее. Ее глаза наполнились

слезами, а ноги чуть было не подкосились снова: ей не почудилось, он реален, он здесь, в ее спальне в усадьбе Стортон-Мэнор. И подросток уже настолько, чтобы задавать ей вопросы.

Стыд сгустился в облако, она ничего не видела сквозь него. Стыд висел в воздухе, как дым, заслонял все, не давал думать. Кэролайн растерялась, не представляя, что ей делать. Так тянулись долгие минуты, пока в коридоре у самой двери не раздались чьи-то шаги. Сердце заколотилось — сейчас она понимала только одно: это дитя не может, не должно здесь оставаться. Его не должно быть ни на этой кровати, ни в ее комнате, ни в усадьбе. Такое просто *невозможно*, и ни слуги, ни ее муж не должны узнать

о существовании ребенка. Но что, если прислуга уже его обнаружила, если кто-то что-то увидел или услышал, пока она лежала без чувств на полу? Оставалось только молиться, чтобы это было не так. Она понятия не имела, сколько времени просидела так, в раздумьях, скованная ужасом и горем. Может, не так уж и долго, судя по тому, что ребенку пока не надоело обследовать кровать. Время для того, чтобы что-то предпринять, еще оставалось, а выбора у нее не было.

Промокнув лицо, Кэролайн обогнула кровать и взяла мальчика, от стыда стараясь не заглядывать ему в глаза. Они тоже черные, это было ей хорошо известно. Черные и непроницаемые, как чернильные кляксы. Ребенок оказался намного

тяжелее, чем ей представлялось. Она положила его и раздела, сняла все, даже пеленку. Одежки были самыми простыми, но Кэролайн все же опасалась, что они каким-то образом могут навести на ее след. Вещи она сунула в камин, и тряпье, источая зловоние, задымилось на последних тлеющих углях утреннего огня. Кэролайн начала осматриваться и на миг растерялась, но тут ее взгляд упал на подушку в вышитой наволочке. Прекрасная, искусная работа: мастерица изобразила желтые цветы с лепестками, похожими на ленты. Ткань была мягкой и плотной. Кэролайн сняла наволочку и уложила в нее сопротивляющегося младенца. Движения ее были полны нежности, как если бы руки любили ребенка,

вопреки тому, что разум не мог вместить любовь. Она взвалила наволочку на спину, будто мешок, и вынесла ребенка: так, должно быть, браконьеры носят кроликов. Лицо ее было мокрым от слез, исторгнутых из самых глубин ее существа. Но нельзя было останавливаться, нельзя было позволить себе снова полюбить его.

На улице шел проливной дождь. Кэролайн поспешно перебежала через лужайку, ощущая боль в спине. По коже головы бежали мурашки: она так и чувствовала на себе взгляды из окон дома. Лишь благополучно оказавшись вне зоны видимости, под деревьями, она перевела дух. Костяшки пальцев, которыми она сжимала наволочку, побелели. Ребенок внутри копошился и

покряхтывал, но не кричал. Дождь тек по ее волосам, капал с подбородка. *Но ему никогда не отмыть меня дочиста*, сказала она себе с покорной безнадежностью. Где-то рядом, она знала, был Росный пруд. Чистый пруд в дальнем конце усадьбы, где парк выходил к холмам — оттуда сверху сбегала река, протекавшая через деревню. Река была глубокой, тихой и тенистой. Вода, темная в такие ненастные дни, как сегодня, покрылась рябью от дождя и была готова принять и сохранить любую тайну. Женщина ахнула и задержала дыхание, пораженная пришедшей ей в голову мыслью. Ее пробрала дрожь от холода. *Нет, я не смогу*, мысленно взмолилась она. *Не смогу*. Она и так уже лишила это дитя слишком

МНОГОГО.

Кэролайн пошла дальше, не к пруду, но прочь от дома, молясь, чтобы ей представилась возможность найти другой выход. Когда это произошло, она вздрогнула и даже пошатнулась от облегчения. Впереди прямо перед ней, на зеленой опушке леса, выходявшей к дороге, стоял крытый-фургон. Рядом пасся стреноженный пони, черный с белым. Из жестяной трубы на крыше фургона стлалась тонкая струйка дыма. *Бродячие лудильщики*, подумала Кэролайн с внезапно вспыхнувшей безумной надеждой. Ребенка обнаружат, подберут, увезут с собой. Она с ним никогда больше не встретится, никогда не увидит его лица, но о нем будет кому позаботиться. Он будет

жить.

Ребенок расплакался: дождь промочил наволочку и добрался наконец до него. Кэролайн торопливо снова взвалила ношу на плечо и, прячась за деревьями, направилась к дальнему краю опушки, подальше от дома, стараясь запутать следы, чтобы никому не пришло в голову вести поиски в том направлении. Пусть считают, что младенца подбросил кто-то, пришедший по дороге с юга. Она уложила ребенка между узловатыми корнями высокого бука, где было почти сухо, и поспешила прочь, а его крик тем временем становился все громче и настойчивее. *Забирайте его и скорее уезжайте,* заклинала она мысленно.

Кэролайн торопливо углубилась в

лес, стараясь двигаться как можно тише, детский крик долго несся ей вслед, пока наконец не остался за пределами слышимости. Когда все стихло, она пошла медленнее. Кэролайн стояла неподвижно, разрываясь между желанием вернуться и необходимостью идти дальше. *Никогда больше я его не услышу*, говорила она себе, но эта мысль теперь не приносила облегчения. Другого выхода у нее не было, но сердце словно пронзила игла, острая и твердая, как лед, потому что невозможно уйти от того, что натворила, теперь она это понимала. Невозможно забыть его, это навек останется внутри нее, точно раковая опухоль, а теперь, когда нельзя уже ничего изменить,

она не была уверена, что сумеет с этим жить. Кэролайн приложила руку к животу, к тому месту, где — она это помнила — лежало дитя. Она держала руку, пока не ощутила сквозь одежду ее тепло — это было чем-то вроде доказательства того, что она по-прежнему живет, чувствует, любит и будет любить своего ребенка. Потом она медленно, спотыкаясь, брела к дому, а там поняла (только было поздно, прошли часы), что, раздев младенца и тщательно избавившись от всех примет, она оставила его в наволочке с редкой и приметной вышивкой. Кэролайн долго сидела, уткнувшись лицом в подушку, пытаясь стереть мальчика из памяти.

громада, окна в каменной декоративной облицовке и с облупленными деревянными рамами, позеленевшими от сырости. У стен кучи сухих листьев и мох, ползущий из-под них вверх, к подоконникам первого этажа. Выбираясь из машины, я тихонько вздохнула. Пока что зима совершенно типичная для Англии. Сырая и грязная. Живые изгороди вдалеке похожи на размытые фиолетовые кровоподтеки. Я сегодня оделась поярче, бросая вызов этому месту, его давящей суровости, хранившейся в моей памяти. Теперь я кажусь себе нелепой, как клоун.

Сквозь лобовое стекло обшарпанного белого «гольфа» я вижу руки Бет у нее на коленях и

растрепанные кончики ее длинных, висящих жгутами волос. В них кое-где появились седые пряди — рано, слишком рано. Она буквально рвалась сюда, но теперь сидит как статуя. Эти бледные, тонкие руки, бессильно сложенные на коленях, — пассивные, выжидающие. Раньше, когда мы были детьми, волосы у нас обеих были яркими. Сияющие, белокурые волосы ангелов, юных викингов, чистый цвет, выцветший с возрастом и превратившийся в невыразительный мышинный. Я свои теперь подкрашиваю, чтобы выглядели хоть немного радостнее. Мы все меньше и меньше внешне похожи на сестер. Я вспоминаю Бет и Динни, склонивших друг к другу головы, шепчущихся, как

заговорщики: у него волосы такие черные, у нее такие светлые. Тогда меня изводила ревность, а сейчас, в воспоминаниях, их головы кажутся похожими на инь и ян. Друзья — не разлей вода.

Окна в доме пустые, в стеклах темные отражения обнаженных деревьев. Эти деревья сейчас кажутся выше, и они слишком близко подобрались к дому. Нужно их подстричь. Я что, обдумываю, что нужно сделать, поправить? Я собралась здесь жить? Дом теперь наш, все двенадцать спален; высоченные потолки, великолепная лестница, подвальные помещения, каменные плиты пола, отполированные ногами сновавших по ним слуг. Все это наше, но только

если мы останемся и будем жить здесь. Мередит всегда этого хотела. Мередит — наша бабушка, ехидная, с костлявыми, сжатыми в кулаки руками. Она хотела, чтобы наша мама привезла нас сюда навсегда, хотела видеть, как она умрет. Наша мама отказалась, была лишена наследства, а мы продолжали спокойно и беспечно жить в Ридинге. Если мы не переедем сюда, имение будет продано, а деньги пойдут на благотворительность. Мередит — посмертный филантроп, странно как-то. Так что пока дом наш, но только на короткое время, потому что я не думаю, что мы сможем здесь жить.

На то есть причина. Когда я пытаюсь четко осознать ее, она исчезает, испаряется, как дымок. На

поверхность всплывает только имя: Генри. Мальчик, который пропал, которого просто нет больше. Сейчас, глядя на качающиеся ветки, от которых кружится голова, я думаю, что *понимаю*. Понимаю, почему мы не сможем здесь жить, почему удивительно, что мы вообще сюда приехали. *Я понимаю*. Понимаю, почему Бет сейчас даже не выходит из машины. Я спрашиваю себя, нужно ли мне уговаривать ее выйти, так же, как приходится уговаривать ее поесть. На пространстве отсюда до дома ни травинки — тень слишком глубокая. А может, почва отравлена. Пахнет землей и гнилостными бархатистыми грибами. *Гумус*, всплывает слово из уроков естествознания — целая вечность прошла с тех пор. Тысячи

крошечных ртов насекомых, кусающих, работающих, переваривающих почву. Сейчас момент затишья. Молчит мотор, молчат деревья и дом и все пространство между ними. Я снова забираюсь в машину.

Бет уставилась на свои руки. Помоему, она так и не подняла головы, не взглянула на дом. Я вдруг начинаю сомневаться, правильно ли поступила, решив притащить ее сюда. Вдруг становится страшно, что я чересчур с этим затянула, от страха даже начинает крутить живот. У сестры на шее жилы, как веревки, она сложилась на сиденье, угловатая, вся словно на шарнирах. Какая же она стала худая, какой хрупкой кажется. По-прежнему моя сестра, но очень

изменилась. Что-то в ней появилось такое, чего я не могу понять. Она совершает непостижимые для меня поступки, я даже представить не могу, о чем она думает. Глаза, которыми она уставилась себе в колени, расширены, взгляд остекленевший. Максвелл хочет снова поместить ее в больницу. Так он сказал мне по телефону два дня назад, а я его за это отругала. Но теперь и сама держусь с ней напряженно, хотя и стараюсь изо всех сил, — и ненавижу себя за это в глубине души. Она моя старшая сестра. Ей следовало бы быть сильнее меня. Я глажу ее по руке и весело улыбаюсь.

— Ну что, может, войдем? — спрашиваю. — Я бы выпила чего-нибудь крепкого.

Голос мой звучит слишком громко для такого близкого расстояния. Я представляю себе хрустальные графины Мередит, выстроенные в гостиной. В детстве я, бывало, прокрадывалась туда, разглядывала, как таинственные жидкости преломляют свет, вытаскивала пробки и украдкой нюхала. Как-то это странно, абсурдно — пить ее виски сейчас, когда она мертва. Моя заботливость — это способ показать Бет, что я понимаю: она не хотела сюда возвращаться. Но вот, глубоко вздохнув, она выходит из машины и широкими шагами направляется к дому, так быстро, что я едва за ней поспеваю.

Внутри дом кажется меньше, чем

прежде, — так всегда происходит с тем, что ты видел в детстве, — но все равно он огромный. Квартира, которую я снимаю в Лондоне, показалась мне большой, когда я в нее въехала, в ней было ровно столько места, чтобы не приходилось смотреть телевизор сквозь сохнувшее на веревке белье. Сейчас, стоя в гулком обширном холле, я испытываю нелепое желание пройтись колесом. Взволнованные, мы стоим, побросав сумки у подножия лестницы. Мы впервые приехали сюда одни, без родителей, и это так непривычно, что мы растерялись, как овцы. Наша роль определяется привычкой, памятью и традициями. Здесь, в этом доме, мы дети. Но я обязана это преодолеть,

потому что вижу, что Бет еле держится на ногах, а в глазах у нее появляется отчаяние.

— Ставь чайник. Я поищу спиртное, и мы устроим кофе с чем-то покрепче.

— Эрика, еще даже не время обеда.

— И что с того? У нас каникулы, ведь так? — Ох, но это же не так. Совсем не так. Не знаю, как это назвать, но только не каникулы.

Бет качает головой.

— Я просто выпью чаю, — говорит она, направляясь на кухню. Спина у нее узкая, острые плечи торчат сквозь ткань блузки. Я смотрю на нее с тревогой — всего десять дней прошло с тех пор, как я ее видела последний раз, а она явно похудела. Мне хочется обнять ее, прижать, сделать что-то, чтобы ей стало лучше.

Дом холодный и сырой, поэтому я решаю включить отопление, жму кнопки на древней панели, пока в глубине что-то не начинает шевелиться, жалобно ноют трубы, клокочет и бурлит вода. На каминной решетке кучка пепла, в корзинке для мусора в гостиной до сих пор валяются бумажные носовые платки и сладковато пахнет гниющий яблочный огрызок. От этого невольного вторжения в жизнь Мередит мне становится не по себе. Как будто, обернувшись, я вдруг увидела ее отражение в зеркале — кислую гримасу, ненатурально-золотые крашенные волосы. Я задерживаюсь у окна, смотрю на зимний сад, путаницу полегших,

неухоженных голенастых стеблей. Я помню, как пахли летние месяцы, проведенные здесь: кокосовый крем от солнца; суп из бычьих хвостов на обед, какая бы ни стояла жара; сладкие, густые облака аромата роз и лаванды на террасе; едкий, тяжелый дух от жирных лабрадоров Мередит, которые вечно пыхтели, привалившись в изнеможении к моим ногам. Как же все изменилось. Кажется, прошли века, возможно даже, все это вообще было не со мной. По стеклу ползут дождевые капли, я в сотне лет от всего и ото всех. Здесь мы и впрямь совсем одни, Бет и я. Одни, снова в этом доме, в нашем заговоре молчания, после стольких лет, за которые ничего так и не решилось, за которые Бет

отстранялась, понемногу, постепенно, а я увиливала и избегала всего этого.

Первым делом нужно будет привести в порядок все эти вещи, разобраться с барахлом, скопившимся по углам. В доме столько комнат, столько мебели, столько ящиков и шкафов и потайных мест. Вообще-то, я должна бы затосковать при мысли о предстоящей продаже имущества, о том, что оборвется ниточка семейной истории, связанная с теми годами, со мной и Бет. Но мне не грустно. Может, потому, что по праву здесь все должно было принадлежать Генри. Вот когда оборвалась нить. Я долго наблюдаю за Бет, которая вынимает из ящика кружевные носовые платки и складывает их

стопкой себе на колени. Она берет их по одному, разглядывает узор, водит по ткани пальцем. Стопка на коленях не такая аккуратная, как в ящике. Непонятно, зачем она это делает.

— Пойду-ка я пройдусь, — говорю я, поднимаясь с затекших коленей, кусая губы, чтобы прогнать раздражение.

Бет подскакивает, словно забыла о моем присутствии:

— Куда ты уходишь?

— Погулять, я же сказала. Хочу подышать свежим воздухом.

— Ладно, только недолго, — говорит Бет.

Такое у нее тоже нередко бывает — она говорит со мной, как с упрямым ребенком, будто я могу убежать. Я вздыхаю:

— Нет. Двадцать минут. Ноги разомну.

По-моему, она знает, куда я направляюсь.

Ноги сами несут меня. Лужайка неровная, вся в кочках; ноги тонут в этом покрытом рябью море мятой бурой травы. Раньше все было ухожено, тщательно подстрижено. Я думаю, что все здесь стало таким запущенным после смерти Мередит. Ерунда, конечно. Она умерла месяц назад, а сад, по всему видно, заброшен давно, им не занимались долгие годы. Мы и сами забросили его, похоже. Я представления не имею, как она тут управлялась — *если* управлялась, конечно. Где-то в глубине души я помнила о ней все это время. Мама с папой ездили ее

навещать каждый или почти каждый год. Мы с Бет не были здесь лет сто. К нашему отсутствию относились с пониманием, как мне кажется, — во всяком случае, расспросами не одолевали. И не настаивали на нашем приезде. Возможно, Мередит хотелось повидать нас, а может, и нет. Ее было трудно понять. Она не была нежной бабушкой, даже матерью была не слишком ласковой. Наша прабабушка Кэролайн тоже жила здесь, когда росла наша мама. Еще один источник дискомфорта. Мама уехала отсюда при первой же возможности. Мередит умерла в одночасье, от удара. Казалась вечной, не меняющейся древней старухой с тех пор, как я себя помню, — и вдруг ее не стало. Последний раз я видела ее

на серебряной свадьбе мамы и папы. Это было не здесь, а в душном отеле с бархатными коврами. Она восседала за столом, как королева, и бросала по сторонам пронзительные холодные взгляды.

Вот и Росный пруд. Там, где был всегда, но зимой выглядит совершенно иначе. Он примостился в углу большого поля, объединенного скотом. Поле расстилается на восток, западнее — лес. Сквозь листву на поле падали пестрые зеленые отсветы. Холодный свет, повторение ветвей, колышущихся на ветру, с поющими на них птичками. Сейчас ветви обнажены, обсижены шумными грачами, которые гомонят, хлопают крыльями. В жаркие июльские дни пруд так и тянул к себе, устоять было

невозможно, но под унылым серым небом он кажется плоским, как мелкая лужа. По воде несутся тучи. Я знаю, пруд не мелкий. В дни нашего детства он был огорожен, но несколько полос колючей проволоки не мешали исполненным решимости юнцам. Дело стоило исцарапанных голеней и запутавшихся в проволоке волос. В сияющем свете дня синела зеркальная гладь воды. Пруд казался глубоким, но Динни говорил, что он еще глубже, чем кажется. Он объяснял, что вода обманчива, а я не верила, пока однажды он не нырнул, вдохнув поглубже, и, отчаянно брыкаясь, не начал пробиваться вглубь, вглубь... Я следила, как вода искажает очертания его смуглого тела, как он продолжает бить ногами,

даже когда, как мне казалось, уже добрался до светлого дна. Хватая ртом воздух, Динни вынырнул — я ждала на берегу, восхищенная, потрясенная.

От пруда берет начало речка, бегущая через деревню Бэрроу-Стортон, вниз от усадьбы по склону широкого холма. Этот пруд врезался мне в память как нечто очень важное для моего детства. Я вспоминаю, как Бет носилась по берегу, когда я в первый раз поплыла. Она бегала взад-вперед, нервничала, потому что была старшей, а берега у пруда крутые, и, если бы я утонула, виноватой бы оказалась она. Я ныряла снова и снова, пытаюсь, как Динни, добраться до дна, но не доставала, и слышала писклявые угрозы Бет каждый раз,

как показывалась на поверхности.- Меня выталкивало наверх, как пробку. Такая уж была плавучая, с жирком на щенячьи толстых ногах, с круглым животиком. Бет заставила меня бегать круг за кругом вокруг сада, прежде чем позволила приблизиться к дому: нужно было, чтобы я обсохла, согрелась и перестала клацать зубами, что могло вызвать ненужные расспросы.

Сзади, за голыми деревьями, вдали виднеется дом. В этом есть что-то, чего я никогда раньше не замечала. Летом за кронами деревьев дома не видно, но сейчас он смотрит, ждет. Мне тревожно от мысли, что Бет там одна, но возвращаться пока не хочется. Я иду дальше, перелезаю через калитку и оказываюсь на поле.

Пройти это поле, за ним другое, и ты окажешься на круглых уилтширских известняковых холмах — на каждом шагу следы доисторических древностей, а также танков и учебных стрельб. На горизонте виднеется курган, давший название деревне, это захоронение бронзового века, надгробие древнего короля, имя и судьба которого канули в небытие, — плоский, узкий бугор длиной в две легковушки, разрытый с одного конца. Летом король покоится под буйными зарослями заячьего ячменя, крестовника и незабудок, прислушиваясь к несмолкаемому хору жаворонков. А нынче тут только ломкие стебли высохших трав, мертвый чертополох, пустые пакеты от чипсов.

Я стою у кургана и гляжу вниз на деревню, пытаюсь отдышаться после подъема. Движения на улицах почти нет, лишь кое-где из труб поднимаются рваные клочья дыма да кое-кто из жителей, потеплее укутавшись, вышел прогулять собак и проверить почтовый ящик. С этого необитаемого холма кажется, что здесь центр вселенной. *Чрезмерный мир*, стучат у меня в голове стихи Колриджа. Я иногда веду беседы о стихах со своими десятилетками. Заставляю читать их медленно, чтобы чувствовали слово, впитывали образы, но они скользят по поверхности, тараторят, как мартышки.

Воздух здесь обжигающий — рвется, расступается вокруг меня, как

холодная волна. Я промочила туфли и не чувствую пальцев ног, они онемели. В доме пар десять, а то и двадцать резиновых сапог, я знаю. Стоят в подвале стройными рядами, покрытые паутиной. Однажды — это было ужасно — я сунула босую ногу в сапог, не вытряхнув его предварительно, и почувствовала, что там кто-то шевелится. Отвыкла я от сельской местности, плохо экипирована, да и не готова менять что-то в этой жизни, на этой почве, недостаточно плодородной, чтобы взрастить что-то хорошее во мне. И все же, если меня спросят, я отвечу, что выросла здесь. Эти летние месяцы, такие длинные и так четко сохранившиеся в памяти, всплывают, словно острова, из моря школьных

дней и дождливых уик-эндов, слишком расплывчатых и однообразных, чтобы их вспоминать.

У входа в курган ветер начинает тихо завывать. Я спрыгиваю с каменной ступеньки и налетаю на какую-то девушку. Она ахает, выпрямляется и ударяется головой о низкий потолок, тут же пригибается и обеими руками обхватывает ушибленную голову.

— Черт! Простите! Я нечаянно... не ожидала, что внутри кто-то есть... — Я улыбаюсь.

Тусклый свет падает на девушку, на золотистые тугие кудряшки, связанные на затылке бирюзовым шарфом, на юное лицо и странно бесформенное тело, запеленутое в длинные шифоновые юбки и вязаную

шаль. Она поднимает на меня взгляд, но видит, должно быть, только силуэт, черную фигуру на фоне неба.

— С вами все в порядке?

Она не отвечает. В щель в стене, прямо перед ней, заткнуты крошечные яркие букетики, подстриженные стебли аккуратно перевязаны ленточками. Чем она занималась здесь, в такой тишине? Молилась, что ли, как в святилище? Заметив, что я смотрю на ее приношения, она вскакивает, сердито смотрит на меня, проталкивается к выходу, не говоря ни слова. Я соображаю, что ее бесформенность на самом деле — это избыток формы, тяжесть беременности. Очень хорошенькая, очень юная, огромный живот. Выбравшись из кургана, я

смотрю на склон, ведущий в сторону деревни, но девушки там нет. Она движется в другую сторону — туда, откуда пришла я, к лесу рядом с усадьбой. Идет размашистым шагом, размахивает руками.

В первый вечер мы с Бет ужинаем в кабинете. Такой выбор может показаться странным, но только там есть телевизор. Мы едим пасту, держа подносы на коленях, а вечерние новости составляют нам компанию. Болтать о пустяках у нас не получается, а серьезный разговор пока еще не созрел. Мы не готовы. Я не уверена, что когда-нибудь будем готовы, однако кое о чем мне хотелось бы расспросить сестру. Я подожду, я должна быть уверена, что задаю те вопросы, которые нужно.

Надеюсь, что, если задам правильный вопрос, ей станет легче. Что правда ее освободит. Бет долго гоняет каждый кусок по тарелке, прежде чем подцепить на вилку. Она по нескольку раз подносит вилку к губам, прежде чем сунуть ее в рот. Некоторые куски туда так и не попадают: она их стряхивает, выбирает другие. Я замечаю это все краем глаза, как и то, что ее организм страдает от голода. Телевизионные картинки отражаются в ее мрачных глазах.

— Ты думаешь, это хорошая идея? Позвать Эдди сюда на Рождество? — вдруг спрашивает она.

— Конечно. Почему бы и нет? Мы же задержимся здесь на какое-то время, чтобы разобраться и привести

дела в порядок, стало быть, можем остаться и на Рождество. Вместе. — Я пожимаю плечами. — В конце концов, места здесь всем хватит.

— Нет, я хочу сказать... привезти сюда ребенка. В это... место.

— Бет, это просто дом. Ему здесь понравится. Он не знает... Ладно. Он будет в восторге, я уверена, — здесь столько закутков и уголков, которые можно обследовать.

— Но все-таки дом такой большой и пустой. Не мрачноват ли? Ему тут может быть одиноко.

— Ну, так предложи ему пригласить друга. Нет, правда! Позвони ему завтра же. Не на все каникулы, конечно. Но кое-кто из работающих родителей был бы просто счастлив получить несколько деньков свободы

от своего маленького разбойника, как ты думаешь?

— Гм... — Бет округляет глаза. — Не думаю, что кому-то из мамаш в этой школе приходится работать, чтобы обеспечить себя.

— Работает, значит, только шелупонь вроде тебя?

— Только шелупонь вроде меня, — соглашается Бет невозмутимо.

— Я пошутила, правда. Ведь ты-то как раз настоящая, первый класс. Практически голубая кровь.

— Будет тебе... Ровно в той же мере, что и ты.

— Нет. Что касается меня, тут аристократизм проскочил через поколение. — Я улыбаюсь.

Однажды, когда мне было десять лет, Мередит сказала мне: *Твоя*

сестра — настоящая Кэлкотт. У нее наша статья. Ты, Эрика, боюсь, пошла в отца. Тогда меня это не огорчило, да и сейчас не огорчает. Я не знала наверняка, что означает «статья». Думала, она о моих волосах, которые пришлось коротко остричь из-за того случая с жевательной резинкой. Как только Мередит отвернулась, я высунула язык, а мама погрозила мне пальцем.

Бет тоже все это отвергает. Она сражалась с Максвеллом, отцом Эдди, и добилась, чтобы сын посещал сельскую начальную школу, маленькую и уютную, с уголком дикой природы в школьном дворе: кораллы и высохшие оболочки стрекозых личинок, весной первоцветы, потом анютины глазки.

Но при переходе Эдди в среднюю школу Максвелл одержал верх. Возможно, к лучшему. Теперь Эдди постоянно живет в пансионе. У Бет есть время, чтобы набраться сил, вернуть блеск своей улыбке.

— Пустоту мы заполним, — уверяю я ее. — Украсим залы. Я разыщу радио. Дом не будет похож на... — Смешавшись, я умолкаю. Сама толком не знаю, что собиралась сказать.

Крошечный телевизор в углу вдруг злобно потрескивает — помехи. Мы обе подсакиваем от неожиданности.

Уже почти полночь, и мы с Бет расходимся по своим комнатам. Это те же комнаты, которые мы обычно занимали, и в них мы находим то же

постельное белье, выглаженное и давно полинявшее. Сначала это кажется мне неправдоподобным. Но потом я думаю — к чему менять постельное белье в комнатах, которыми никто не пользуется? Я почти уверена, что Бет тоже еще не спит. Матрас низко проседает, когда я на него опускаюсь: пружины утратили упругость. Спинка кровати из темного дуба, на стене акварель, совсем выцветшая. Лодки в гавани, хотя я никогда не слыхала, чтобы Мередит ездила на взморье. Подхожу к изголовью, скольжу пальцами вниз, пока не нахожу это. Пересохла, покрылась пылью. Это ленточка, которую я там прикрепил, — красная жесткая ленточка, которой был перевязан подарок на день рождения.

Я привязала ее там, когда мне было восемь лет и у меня появился настоящий секрет, известный только мне одной. Я могла думать о нем, вспоминать, когда снова начинались занятия в школе. Представлять себе ленточку, остававшуюся невидимой, даже когда в комнате убирали и прислуга входила и выходила. Здесь было нечто, о чем было известно лишь мне, мой след, который я всегда могла найти.

Еле слышный стук, и в дверном проеме показывается лицо Бет. Косы расплетены, волосы лежат свободно, обрамляя лицо, и Бет выглядит моложе. Бет иногда бывает так красива, что у меня даже щемит в груди. В тусклом свете ночника тени

падают на ее скулы, под глаза, подчеркивают изгиб верхней губы.

— Как ты тут? Я не могу уснуть, — шепчет она, как будто в доме есть еще кто-то, кого она боится разбудить.

— Я отлично, Бет. Но спать тоже еще не хочу.

— Да? — Она медлит в дверях, колеблется. — Так странно оказаться здесь...

Это не вопрос. Я жду.

— Я чувствую себя как... Чувствую себя немного Алисой в Зазеркалье. Понимаешь, о чем я? Все такое знакомое, а в то же время другое. Будто бы вывернуто наизнанку. Как ты думаешь, почему она завещала нам дом?

— Честно, я даже не представляю. Из-за мамы и дяди Клиффорда, мне

так кажется. Знаешь, Мередит была мастерица на такие штучки, — вздыхаю я.

Бет все так же нерешительно топчется на месте, такая хорошенькая, моложавая. Сейчас она такая же, как раньше, как будто время остановилось. Как будто ей двенадцать, а мне восемь, и она пришла будить меня, чтобы я не опоздала на завтрак.

— По-моему, она хотела нас наказать, — мягко произносит Бет с подавленным видом.

— Нет, Бет. Мы же не сделали ничего плохого, — твердо говорю я.

— Разве? А в то лето... Нет. Нет, наверное, нет... — Бет поднимает на меня взгляд, быстрый, испытующий. У меня ощущение, что она пытается

что-то разглядеть, понять про меня что-то. — Спокойной ночи, Рик, — шепчет она, используя привычное мальчишечье сокращение от моего имени, и скрывается в коридоре.

Я многое помню о том лете. Последнем лете, когда все было нормально, лете 1986 года. Помню, как Бет была в трансе оттого, что распался «Уэм!»². Помню, как от жары у меня на груди появились водяные пузыри, они зудели, лопались, если надавить ногтем, и мне от этого становилось тошно. Помнюдохлого кролика в лесу, к которому я наведывалась почти каждый день, — меня и страшило, и притягивало то, как он медленно расплывался, терял форму. Мне показалось, что кролик дышит, я

ткнула в него палкой, желая убедиться, что он мертв, и поняла, что там двигалось: масса кишаших внутри прожорливых личинок. Я помню, как смотрела по малюсенькому телевизору Мередит свадьбу Сары Фергюсон и принца Эндрю (двадцать третьего июля), ее потрясное платье, которому я до смерти завидовала.

Я помню, как отплясывала под хит Дайаны Росс «Цепная реакция». Помню, как стащила для своего наряда у Мередит одно из ее боа, споткнулась и наступила на него — душ из перьев, — как прятала его в дальнем ящике, как сосало под ложечкой от ужаса — было так страшно, что сознаться я не решилась. Помню журналистов и полицейских, стоящих лицом друг к другу у

железных ворот Стортон-Мэнора. Полисмены, скрестив руки, томились от скуки и жары в своих форменных мундирах. Репортеры возились с оборудованием, что-то говорили перед камерами и наговаривали на магнитофоны — и ждали, ждали новостей. Помню сверлившие меня глаза Бет, когда полицейский заговорил со мной о Генри, стал спрашивать, где мы играли, что делали. От него пахло мятными леденцами «Поло», только запах был не сладким, а кислым. Я, кажется, ответила ему, а потом мне стало дурно, и устремленные на меня глаза Бет расширились и куда-то пропали.

Несмотря на воспоминания, я в конце концов крепко засыпаю, едва привыкнув к холодающему

прикосновению простыней и к непривычной темноте в комнате. И еще этот запах — не то чтобы неприятный, но вездесущий. Чужие дома всегда пахнут своими обитателями — сочетание мыла, которым они моются, дезодоранта и волос, когда пора мыть голову, духов, кожи, пищи, которую здесь готовят. Несмотря на то что стоит зима, этот запах проникает в каждую комнату, пробуждает воспоминания, будоражит. Один раз я просыпаюсь — мне кажется, что я слышу в доме шаги Бет. А потом мне снится пруд, как я плаваю в нем, пытаюсь нырнуть на глубину, как будто мне нужно непременно достать что-то со дна, но у меня никак не получается. Оторопь от ледяной воды, давление в легких,

безумный ужас при мысли о том, что
я нащупаю на дне.

---

¹ Перевод М. Лозинского.

² Дуэт Джорджа Майкла и Эндрю Риджли. —
Здесь и далее примечания переводчика.

ОТЪЕЗД

1902 год

Я должна быть стойкой, напомнила себе Кэролайн, тайком наблюдая сквозь опущенные ресницы за своей тетей Батильдой. Пожилая дама методично и тщательно опустошала тарелку, прежде чем вновь заговорить.

— Боюсь, ты совершаешь ужасную ошибку, моя дорогая...

Однако в глазах у тети блестел отнюдь не испуг. Скорее возмущение или даже удовлетворение, словно она, сколько бы ни утверждала обратное, чувствовала себя победительницей.

Кэролайн смотрела в свою тарелку, где жир, натекший из жаркого, уже

застыл неаппетитной коркой.

— Вы и прежде об этом говорили, тетя Батильда. — Голос Кэролайн звучал ровно и почтительно, но все равно тетушка вскинула на нее глаза.

— Если я повторяюсь, дитя мое, то лишь потому, что ты, как мне кажется, не слушаешь меня, — вздохнула она.

Щеки Кэролайн обдало жаром. Она поправила нож и вилку, ощутив в пальцах приятную тяжесть серебра. Чуть пошевелила лопатками. Спина, затянутая в тугий корсет, болела.

— И не ерзай, — добавила Батильда.

Обеденный зал в «Ла Фиорентина» была не в меру светлым, весь в окнах, запотевших от дыхания и пара, поднимавшегося от горячей пищи.

Желтый свет играл и отражался в стекле, украшениях, полированном металле. Зима выдалась долгой и суровой, и вот теперь — как раз когда весна начала подумывать, не разразиться ли ей дразнящей неделей птичьего пения, цветущих крокусов и зеленой дымки, окутывающей деревья в парке, — над Нью-Йорком повисли холодные затяжные дожди.

Кэролайн видела свое отражение в зеркалах, каждое ее движение многократно повторялось. Смущенная повышенным вниманием к ее персоне, она зарделась:

— *Я слушаю* вас, тетушка *Я всегда* вас слушаю.

— Насколько я понимаю, *слушала прежде*, потому что была вынуждена. Теперь же, возомнив себя взрослой,

ты меня полностью игнорируешь. Принимая самое важное решение в жизни, от которого зависит твое будущее, ты пренебрегаешь моим советом. Что ж, я могу только порадоваться, что моего бедного брата уже нет в живых и он не видит, что я не справилась, упустила его единственное дитя, — прошелестела Батильда с улыбкой мученицы.

— Вы не упустили, тетя, — пробормотала Кэролайн скрепя сердце.

Официант убрал пустые тарелки, подал сладкое белое вино на смену красному, поднос с пирожными. Батильда сделала глоток, оставив на бокале жирный отпечаток губ, а потом выбрала эклер с кремом, отрезала большой кусок, широко

раскрыла рот, готовясь его съесть. Мучнисто-бледный двойной подбородок складками лег на кружевной воротник. Вид ее вызывал у Кэролайн отвращение, даже горло сжалось.

— Вы ничего не сделали, чтобы я могла вас полюбить, — прошептала Кэролайн так тихо, что слова потерялись в шуме голосов, стуке ножей и вилок. В воздухе висели запахи жареного мяса и супа, приправленного карри.

— Не бубни, Кэролайн. — Батильда покончила с эклером и вытерла крем, оставшийся в уголках губ.

Недолго. Теперь уж недолго, повторяла про себя Кэролайн. *Не тетья, а настоящая крепость,* подумала она со злобой, *пирамида*

хороших манер и богатства, а что внутри? Чаще всего там сытная пища и херес. И уж конечно, никакого сердца, любви, душевного тепла. Кэролайн чувствовала, что вот-вот взорвется.

— Мистер Мэсси хороший человек... из уважаемой семьи... — начала она спокойным, рассудительным тоном.

— Моральные качества мужчины — вещь ненадежная. Корин Мэсси сделает из тебя простую рабочую лошадку. Ты не будешь с ним счастлива, — перебила ее Батильда. — Да разве может он тебя осчастливить? Он *ниже* тебя. Намного ниже... и по размеру состояния, и по воспитанию — во всех отношениях.

— Вы же едва с ним знакомы! — воскликнула Кэролайн.

Батильда бросила на нее испытующий взгляд:

— Будет ли мне позволено напомнить, что и ты *едва с ним знакома*. Разумеется, тебе исполнилось восемнадцать, ты можешь считать себя независимой, но не заслуживаю ли я уважения хотя бы за то, что тебя вырастила? Заботилась о тебе, учила...

— Вы растили меня на деньги, оставленные моими родителями. Вы выполнили свой долг, — довольно резко возразила Кэролайн.

— Не прерывай меня. Мы носим уважаемое имя, которое может обеспечить тебе хорошую партию здесь, в Нью-Йорке. И вдруг ты

собираешься замуж за... *крестьянина*. И собираешься бросить всё и всех, кого знаешь, чтобы жить невесть где, в глуши. Нет, я в самом деле потерпела неудачу, упустила тебя, это очевидно. Мне не удалось привить тебе уважение, здравый смысл и правила приличия, несмотря на все усилия.

— Но я никого здесь *не знаю*, тетя. Почти... Только вас, — печально заметила Кэролайн. — А Корин не крестьянин. Он владелец крупного скотоводческого хозяйства, очень преуспевающего. Его дело...

— Его *дело*? Его *дело* — оставаться в глухомани, а не рыскать здесь, не охотиться за впечатлительными юными девицами.

— У меня достаточно денег. —

Кэролайн упрямо подняла подбородок. — Бедствовать мы не будем.

— Нет, сначала не будете. Первые два года. Но понравится ли тебе жить на доходы фермера? И поглядим, надолго ли хватит твоего состояния, когда он получит к нему доступ, а потом доберется до игорных притонов!

— Не говорите так. Он хороший человек. И он любит меня, и... и я люблю его, — решительно выпалила Кэролайн. *Он ее любит.* Девушка, подумав об этом, не могла сдержать улыбки.

Делая Кэролайн предложение, Корин сказал, что полюбил ее с первой минуты, когда они встретились месяц назад на балу,

который Монтгомери давали по случаю окончания сезона перед началом Великого поста. Это был первый выезд Кэролайн в свет, и она сразу позавидовала другим девушкам, которые держались так свободно. Они танцевали и смеялись, вели оживленные разговоры. Кэролайн, вынужденная прогуливаться по залу рука об руку с Батильдой, чувствовала себя крайне неуютно. Она старалась ни с кем не заговаривать, опасаясь, что тетя станет ее поправлять или прилюдно выбранит. Корин все изменил...

Для бала у Монтгомери Кэролайн выбрала шелковое бежевое платье и изумруды своей матери. Ожерелье, холодное и тяжелое, обвивая ее

изящную шею, прикрывало декольте, а глубокий цвет камней оттенял серые глаза Кэролайн, заставляя их искриться.

— Вы выглядите как императрица, мисс, — восхищенно произнесла Сара, расчесывая светлые волосы Кэролайн и собирая их в высокую прическу. Упершись коленом в табурет, она затянула шнурки корсета. Талия Кэролайн была предметом зависти сверстниц, и Сара всегда мучила ее, стараясь затянуть как можно туже. — Ни один мужчина перед вами не устоит.

— Ты думаешь? — спросила Кэролайн, едва дыша. Сара, темноволосая и улыбчивая, была, пожалуй, единственной, кого Кэролайн могла назвать подругой. —

Боюсь, однако, что все они устоят перед тетушкой.

Кэролайн вздохнула. Батильда уже отпугнула не одного молодого человека, который казался ей недостойным ее племянницы.

— Тетя возлагает на вас большие надежды, мисс, вот и всё. Но с тем, кто на вас женится, она будет любезна, вот увидите, — утешила Сара.

— Если так и дальше пойдет, я вообще ни за кого не выйду и буду до конца дней слушать тетино ворчание, что я не оправдала ее надежд!

— Чепуха! Появится подходящий кандидат и завоюет вашу тетушку, если это будет нужно, чтобы получить вас. Вы только взгляните на себя, мисс! Да вы всех там затмите, я

вам верно говорю, — улыбалась Сара.

Кэролайн встретила с ней глазами в зеркале. Подняв руку, она пожала пальцы девушки, ища ободрения.

— Ну, полно! Все будет хорошо, вот увидите, — успокоила ее Сара и потянулась к туалетному столику за пудрой и румянами.

Кэролайн, скромная, безупречная светская девушка, спускалась по парадной лестнице в ярко освещенный бальный зал. Кругом блестели драгоценности, то и дело слышался смех, витали ароматы вина и душистой помады для волос. По залу разносился неясный шум голосов, то приветливых, то веселых, то завистливых. От Кэролайн не ускользнуло, что ее наряд оценили по

достоинству, ожерельем восхищались, а над тетушкой посмеивались. Дамы бросали на Кэролайн заинтересованные взгляды, вполголоса отпускали комментарии, прикрываясь тонкими пальчиками и черепаховыми мундштуками. Сама Кэролайн была немногословна, говорила ровно столько, сколько требовали приличия, — по крайней мере, эту черту тетя всегда в ней одобряла. Она улыбалась и аплодировала вместе со всеми, когда Гарольд Монтгомери представил гостям гвоздь программы: шампанское, лившееся каскадом в поставленные пирамидой бокалы. Вино, как всегда, брызгало и переливалось через край, ножки бокалов стали мокрыми и оставляли пятна на перчатках дам.

Было жарко и душно. Кэролайн стояла, попивая кислое вино, от которого становилось легче дышать, и чувствовала, как от пота чешутся руки. В каминах трещал огонь, в канделябрах сияли сотни электрических свечек, таких ярких, что можно было разглядеть, как расплылась красная помада на морщинистых губах Батильды. Но тут прямо перед ними возник Корин, и Кэролайн едва расслышала, как Монтгомери представлял его; открытый, доброжелательный взгляд незнакомца ее заорожил. Она смутилась, а он, тоже покраснев, произнес первые свои слова, обращенные к ней:

— Здравствуйте, как поживаете? — словно они были старыми друзьями,

встретившимися за партией в вист.

Он схватил руку Кэролайн в вышитой перчатке, как будто хотел пожать, но, осознав свою оплошность, резко разжал пальцы, и рука девушки бессильно упала на юбки.

— Прошу прощения, мисс... я... эээ... Вы меня простите? — забормотал Корин, опустив голову, а потом скрылся в толпе.

— Какой *удивительный* молодой человек! — язвительно воскликнула Батильда. — И *где* только вы его отыскали, Чарли?

Черные волосы Чарли Монтгомери блестели, как клеенка, и отбрасывали блики, когда он поворачивал голову.

— О, не обращайтесь внимания на Корина. Он просто немного отвык от всего этого. Это мой дальний

родственник. Его родители живут здесь, в Нью-Йорке, а сам он вот уже несколько лет как переселился на запад, в Оклахому. Вернулся в город на похороны отца, — пояснил Чарли.

— Просто *поразительно*, — повторила Батильда. — Я и подумать не могла, что встречаются молодые люди с подобными манерами.

В ответ на это Чарли лишь неопределенно улыбнулся. Бросив взгляд на тетку, Кэролайн поняла: ей даже невдомек, какую неприязнь она вызывает у окружающих.

— Что случилось с его отцом? — обратилась она к Чарли и сама удивилась своему интересу.

— Он был в одном из поездов, которые в прошлом месяце столкнулись в туннеле на Парк-

авеню. Кошмар, что там творилось, — ответил Чарли, поморщившись. — Сообщают о семнадцати погибших, около сорока человек ранено.

— Какой ужас! — ахнула Кэролайн.

Чарли покивал, соглашаясь.

— Пора уже, чтобы поезда работали на электричестве. Все должно быть автоматизировано. Тогда не будет риска, что машинист заснет и опять произойдет трагедия.

— Но как может работать автомат, если никто не будет им управлять? — заинтересовалась Кэролайн, но тут Батильда вздохнула, показывая, что заскучала, Чарли Монтгомери извинился и откланялся.

Кэролайн всматривалась в толпу, пытаясь рассмотреть отливающую бронзой шевелюру незнакомца. Она

вдруг поймала себя на мысли, что сочувствует ему — из-за его утраты и из-за того, как неловко он схватил ее за руку под убийственным, беспощадным взором Батильды. Страшная боль от потери близкого родственника — о, как это было ей близко, она сочувствовала ему всей душой. Задумавшись, Кэролайн рассеянно сделала глоток из бокала. От вина, нагревшегося в руке, защипало в горле. Девушка внезапно почувствовала тяжесть изумрудов у себя на груди и шелковистую ткань платья на бедрах, вся ее кожа словно жаждала прикосновений. Когда минуту спустя Корин, оказавшись рядом, пригласил ее на танец, она приняла приглашение молча, просто кивнув; сердце колотилось так, что

она не могла говорить. Батильда не сводила с Корина цепкого взгляда, которого молодой человек не заметил, так как даже не взглянул на нее, чем дал ей повод воскликнуть:

— Подумать только!

Молодые люди кружились в медленном вальсе, и, размышляя, почему Корин выбрал именно этот танец, Кэрлайн пришла к выводу, что причиной тому его неловкие движения и то, как робко, неуверенно он держал партнершу. Она неопределенно улыбалась, и сначала они не разговаривали. Затем Корин обратился к ней:

— Прошу простить меня, мисс Фитцпатрик. За давешнее и за то... боюсь, я не очень искусный танцор. Прошло уже порядочно времени с тех

пор, как я имел честь присутствовать на подобном торжестве или танцевать с кем-то, столь... эээ...

Он смешался, и Кэролайн улыбнулась в ответ, потупив глаза, как ее учили. Но долго не смотреть на него она не могла. Его рука жгла ей спину, словно его ладонь и ее кожу ничто не разделяло. Внезапно она почувствовала себя обнаженной, это привело ее в замешательство и взволновало. Лицо Корина покрывал загар, на усах и бровях словно задержались лучи солнца, окрасив их в теплые тона. Волосы были причесаны, но не набриолинены, выгоревшая на солнце прядь упала на бровь, вызвав у Кэролайн желание поправить ее. Он смотрел на нее светло-карими глазами, и ей

почудилось, что она видит в них радость.

Когда танец закончился и Корин предложил ей руку, чтобы отвести на место, тонкая ткань перчатки зацепилась за огрубевшую кожу его ладони. Повинуясь внезапному порыву, Кэролайн развернула его ладонь к себе и стала рассматривать, дотрагиваясь большим пальцем до мозолей, сравнивая ширину его и своей кисти. Ее рука казалась детской, и она было уже собралась сказать ему об этом, но вовремя остановилась, представив, как неприлично это прозвучало бы.

— Надеюсь, вы хорошо себя чувствуете, мистер Мэсси? — спросила она.

— Да... благодарю вас, совершенно

здоров. Здесь немного душно, вы не находите?

— Подойдем к окну, там свежее. —
Девушка взяла его за руку, чтобы пробиться сквозь толпу гостей. Воздух и в самом деле был спертым, тяжелым от пота и дыхания, дыма, музыки и голосов.

— Благодарю, — промолвил Корин. Высокие створчатые окна были наглухо закрыты, защищая дом от холодной февральской ночи, и все же холод проникал сюда, исходил от самих стекол, создавая прохладный оазис для тех, кто изнемогал от жары. — Непривычно видеть столько народу под одной крышей. Удивительно, как быстро человек отвыкает от подобных вещей.

Он дернул плечом — жест слишком

резкий, небрежный, не соответствующий его вечернему костюму.

— Я никогда не выезжала из Нью-Йорка, — вырвалось у Кэролайн. — Не считая, конечно, нашего загородного дома на побережье... То есть я хотела сказать...

Но она и сама не знала, что именно хотела сказать. Что он казался ей чужестранцем, фигурой почти мифической — оставил цивилизацию, выбрал жизнь в неизведанных краях...

— Вам не хотелось бы путешествовать, мисс Фитцпатрик? — спросил Корин, и она почувствовала, что между ними происходит что-то необычное. Осторожные шаги навстречу, нечто

вроде разведки.

— Ах вот ты где, моя дорогая. — На молодых людей налетела Батильда. Казалось, она заметила эти шаги даже издалека. — Идем же, я представлю тебя леди Клеменс.

Кэролайн ничего не оставалось, как последовать за тетей, но, обернувшись, она успела посмотреть на Корина и слегка приподняла руку, прощаясь...

— Не выставляй себя на посмешище, милочка. — Батильда перебила размышления Кэролайн, заставив ее вернуться в настоящее, за обеденный стол в «Ла Фиорентине». — Ты ведешь себя как влюбленная школьница! Я тоже читала *роман* мистера Уистера³, и мне совершенно

очевидно, это из-за него голова у тебя забита романтическими бреднями. Не могу представить другой причины, по которой можно решиться выйти за *скотовода, ковбоя*. Но ты еще поймешь, что «Виргинец» — это вымысел писателя, выдумка, не имеющая отношения к действительности. И разве не читала ты также об опасностях и дикости, о трудностях жизни в тех краях?

— Там теперь все не так. Корин рассказывал мне. Он говорит, что эти края прекрасны, что там в каждой травинке виден перст Божий... — На это Батильда презрительно фыркнула. — Да и сам мистер Уистер признает, что дикая эпоха, описанная им, осталась в далеком прошлом. Вудворд — процветающий город, Корин

говорит...

— Вудворд? Просто неслыханно — *Вудворд!* В каком это штате?

— Я... не знаю... — призналась Кэролайн и плотно сжала губы.

— Он не принадлежит ни одному штату в составе Соединенных Штатов, вот почему ты этого не знаешь! Клочок ничьей земли в краю дикарей и неотесанных мужланов. Да-да, я слышала, что к западу от Додж-Сити невозможно встретить леди — только *женщин* самого дурного пошиба. Ни одной леди! Можешь себе представить, что это за *богопротивное* захолустье?

Грудь Батильды, стесненная винно-красным платьем, ходила ходуном. Она залилась краской до самых корней седых волос, собранных в

пышную прическу. Да она неприятворно *взволнована*, с удивлением поняла Кэролайн. Батильда в самом деле разнервничалась.

— Разумеется, там есть леди! Я уверена, что эти слухи сильно преувеличены, — заговорила Кэролайн.

— Не понимаю, почему ты так уверена, если ничего не знаешь. Что ты можешь об этом знать, Кэролайн? Ты еще дитя! Да он что угодно бы тебе рассказал, чтобы заполучить такую прекрасную, богатую жену. А ты веришь каждому слову! Ты оставляешь семью, родной дом и отказываешься от всех планов на будущее. Меняешь это на жизнь в неизвестности, без общества, без

комфорта.

— Мне будет там хорошо, — настаивала Кэролайн.

Спустя неделю после бала Корин пригласил Кэролайн покататься на коньках в Центральном парке вместе с Чарли Монтгомери и его сестрой Дианой, которые тактично держались на расстоянии. Февраль подходил к концу, и небо было странного желтовато-белого цвета, так что кружащиеся в воздухе снежинки сперва казались черными, затем становились белыми на фоне голых деревьев и лишь после этого опускались на землю.

— В детстве я всегда побаивался кататься здесь. Мне было страшно, что лед подо мной проломится, — признался Корин, неуверенно семеня

по льду. Его движения скорее напоминали ходьбу, чем катание.

— Вам не о чем тревожиться, мистер Мэсси. В начале зимы почти всю воду откачивают, чтобы промерзло насквозь, — улыбнулась в ответ Кэролайн.

Мороз щипал кожу. Щеки у девушки покраснелись, изо рта вырывались рваные облачка белого пара. Кэролайн сунула руки в перчатках в карманы шубки и описала вокруг Корина большой плавный круг на коньках.

— У вас прекрасно получается, мисс Фитцпатрик. Куда лучше, чем у меня!

— Мама всегда меня сюда водила, когда я была маленькой девочкой. Но я давным-давно не каталась. Батильду это не интересует.

— Где теперь ваша матушка? — осведомился Корин, неуклюже размахивая руками в попытке сохранить равновесие. Снег напал на поля его шляпы.

— Мои родители умерли восемь лет назад, — сказала Кэролайн, останавливаясь прямо перед Корином, который тоже притормозил. — Случился взрыв на фабрике... Вечером, когда они ехали домой. Обрушилась стена, и... их экипаж засыпало.

Она говорила тихо. Корин протянул было руки, словно желая обнять ее, но тут же уронил их.

— Какое страшное несчастье. Примите мои соболезнования, — произнес он.

— Чарли рассказал мне о вашем

отце, и я тоже соболезнаю, — ответила Кэролайн, гадая, обратил ли Корин, как она, внимание на то, насколько схожи кошмарные обстоятельства, при которых оба они лишились родителей.

Опустив голову, она рассматривала свои коньки. Пальцы на ногах онемели от холода.

— Идемте-ка, мистер Мэсси, надо подвигаться, пока мы не вмерзли в лед! — позвала она и протянула руку.

Корин с улыбкой взял девушку за руку. Она потянула его за собой, и молодой человек со страдальческим выражением лица поковылял за ней, спотыкаясь, как ребенок, едва начавший ходить.

Когда на льду стало совсем тесно от катающихся, они пили горячий

шоколад в павильоне. Сидя за столом, наблюдали в окно за юркими мальчишками, неумоимо снующими среди взрослых. Кэролайн заметила, что совсем не чувствует зимнего холода, как это бывало обычно. Возможно, ее согревало то, что рядом был Корин — казалось, в его присутствии кровь бежит быстрее.

— У вас поразительные глаза, мисс Фитцпатрик, — произнес Корин, смущенно улыбнувшись. — В самом деле, они сияют на фоне снега, будто серебряные доллары! — воскликнул он.

Кэролайн не представляла, что на это ответить. Она не привыкла к комплиментам и в смятении принялась рассматривать свою чашку.

— Батильда говорит, что глаза у

меня холодные. Она сокрушается, что я не унаследовала синих глаз моего отца, — выговорила она наконец, медленно помешивая шоколад.

Но Корин, протянув палец, коснулся ее подбородка, и Кэролайн показалось, что ее ударили электрическим током.

— Ваша тетушка глубоко заблуждается, — сказал он.

Предложение Корин сделал спустя три недели, когда в парках начал таять лед, а линияемое небо стало чуть ярче. Он зашел к ним во вторник днем, зная, что застанет Кэролайн одну, так как тетя в этот день всегда играла в бридж у леди Атвелл. Когда Сара проводила гостя в гостиную, кровь бросилась Кэролайн в лицо, в

горле пересохло, а когда она поднялась навстречу гостю, ноги были ватными и непослушными. Крепкая смесь радости и страха, действуя с каждым разом все мощнее, совершенно лишала ее сил, как только она видела молодого человека. Вот и теперь из головы вылетели все слова. Сара, закрывая дверь, радостно и ободряюще улыбнулась хозяйке.

— Как мило, что вы заглянули, — удалось наконец выдавить Кэролайн. Голос дрожал, руки тряслись. — Надеюсь, вы в добром здравии?

Вместо ответа Корин, вертя в руках шляпу, заговорил было, но смешался и оттянул пальцем воротничок, как будто тот его душил. Кэролайн сжала руки, пытаясь унять дрожь, и ждала, изумленно глядя на него.

— Не... не хотите ли присесть? — предложила она после паузы.

Корин посмотрел на нее и, кажется, на что-то решился.

— Нет, я не буду садиться, — объявил он, поразив Кэролайн резким тоном.

Некоторое время они смотрели друг на друга, не зная, как выйти из положения. Затем двумя широкими шагами Корин пересек комнату, взял лицо Кэролайн в ладони и поцеловал ее. Его прикосновение настолько ошеломило Кэролайн, что она даже не попыталась остановить его или отодвинуться, как следовало, — она это знала. Ее поразила мягкость губ Корина и то, какие они были горячие. Кэролайн не могла дышать, у нее кружилась голова.

— Мистер... мистер Мэсси... — пробормотала она, когда он отстранился, по-прежнему держа в ладонях ее лицо и вглядываясь в него с необычной серьезностью.

— Кэролайн... едемте со мной. Будьте моей женой, — проговорил он.

Кэролайн не хватало слов, чтобы ответить.

— А вы... любите ли вы меня? — спросила она наконец. Сердце отчаянно колотилось, пока она ожидала его ответа, тех самых слов, которые так мечтала услышать.

— Разве вы не догадываетесь? Не видите? — недоверчиво переспросил он. — Я люблю вас с первой минуты, как вас увидел. С самой первой минуты, — прошептал он.

Кэролайн прикрыла глаза,

испытывая невыразимое облегчение.

— Вы улыбаетесь, — заметил Корин, проводя пальцем по ее щеке. — Означает ли это, что вы согласны... или вы просто смеетесь надо мной?

Он тревожно улыбнулся, и Кэролайн, взяв его руку в свои, прижала ее к лицу:

— Это означает, что я стану вашей женой, мистер Мэсси. Это означает, что... я хочу этого больше всего на свете, — выдохнула девушка.

— Со мной вы будете счастливы, — пообещал Корин, снова целуя Кэролайн.

Батильда отказалась объявлять о помолвке своей племянницы с Корином Мэсси. Она наотрез

отказалась помочь ей в подготовке приданого, покупке одежды для путешествия, упаковке кожаных саквояжей в дорогу. Вместо этого она наблюдала за Кэролайн, аккуратно укладывающей сшитые на заказ юбки годе, вышитые английские блузки с длинным рукавом.

— Ты, я полагаю, считаешь себя эмансипированной женщиной, если так ужасно себя ведешь. Вылитая девушка Гибсона⁴, — заметила она.

Кэролайн не стала отвечать, хотя тетины слова так и жалили ее, попадая в цель. Она завернула в синий бархат украшения и убрала сверток в свой объемистый несессер. Позже она разыскивала Батильду по всему просторному дому в Грэмерсипарк и наконец обнаружила ее

сидящей в лучах весеннего солнца, такого яркого, что оно будто счистило с пожилой женщины ее годы. Кэролайн снова попросила объявить о ее помолвке. Ей хотелось, чтобы все было сделано по правилам, официально, как следует, но ее мольбы натыкались на глухую стену.

— Праздновать решительно нечего, — отрезала Батильда, — я счастлива, что меня здесь не будет и не придется краснеть, отвечая на вопросы. Я возвращаюсь в Лондон и остановлюсь у кузины моего дорогого последнего супруга, к которой я всегда питала и питаю глубокую взаимную приязнь и уважение. Здесь, в Нью-Йорке, меня ничто не держит.

— Вы возвращаетесь в Лондон? Когда же? — спросила Кэролайн

более кротким тоном. Она с горечью подумала, что, несмотря на все их размолвки, тетушка Батильда была ее единственной родственницей, последней оставшейся в живых из всей ее семьи.

— В следующем месяце, когда станет теплее.

— Ясно... — протянула Кэролайн. Она сцепила пальцы и что есть силы сжала.

Батильда, подняв взгляд от книги, которую якобы читала, взглянула на нее почти враждебно.

— Полагаю, после этого мы почти не будем видеться, — прошептала Кэролайн.

— Разумеется, дорогая моя. Но это произошло бы, даже останься я в Нью-Йорке. Вы ведь намерены

удалиться далеко за пределы тех краев, куда я могла бы спокойно отправиться. Я оставляю тебе свой адрес в Лондоне, и ты, конечно, можешь писать мне. Вероятно, на ферме ты найдешь себе компанию по сердцу. В окрестностях будут и другие фермерские жены, я уверена, — заявила тетя, едва улыбнувшись, после чего вновь погрузилась в чтение.

Кружевной воротничок душил Кэролайн. Ей вдруг стало страшно, она не знала, подойти к Батильде или бежать от нее.

— Вы никогда не выказывали ко мне любви, — прошептала она тихо, сдавленным голосом. — Почему же вас так удивляет, что я привязалась к тому, кто мне ее предложил?

И она покинула комнату прежде, чем Батильда успела ее высмеять.

Итак, Кэролайн вышла замуж, но никто не благословил ее, а на свадьбе не было ни одного родственника с ее стороны. На ней было платье из тончайшего белого муслина с широкой полосой гофрированных кружев на груди, кружевным воротником и манжетами. Волосы были уложены в прическу, которую удерживали гребни из слоновой кости, в ушах блестели жемчужные сережки, единственное украшение. Она отказалась от румян и, посмотрев в последний раз в зеркало, увидела, что очень бледна. Хотя погода была совсем не жаркой, Кэролайн повесила на запястье шелковый веер своей матери и нервно сжимала его всю

дорогу до небольшой церкви в Верхнем Ист-Сайде, расположенную по соседству с домом, где Корин жил в детстве. Служанка Сара одиноко сидела на скамье на стороне невесты, и Кэролайн, входя в церковь, мучительно захотелось увидеть рядом с ней своих родителей. На Корине были взятый напрокат костюм и галстук, волосы аккуратно зачесаны назад, щеки гладко выбриты, в нескольких местах заметны порезы. Проходя вдоль ряда к своему месту, он нервно поправлял воротничок, но, едва встретившись глазами со встревоженным взглядом Кэролайн, улыбнулся и замер, как будто его ничто больше не волновало. Мать и два старших брата Корина, присутствовавшие на церемонии,

серьезно и сосредоточенно наблюдали за тем, как новобрачные в присутствии священника приносят друг другу обеты. Миссис Мэсси все еще носила траур. Хотя она была ласкова со своей новой невесткой, боль недавней утраты мешала ей в полной мере радоваться происходящему. Шел дождь, в церкви было тихо и темно, пахло мокрой кирпичной пылью и свечным воском. Кэролайн это не беспокоило. Ее мир сократился настолько, что вмещал только мужчину, стоявшего перед ней, мужчину, державшего ее руку, поживавшего ее глазами и клявшегося ей в верности. Их руки соединились пред Господом, и Кэролайн охватил такой восторг, что она, не в силах вместить его,

разразилась счастливыми слезами, а Корин вытирал их кончиками пальцев и целовал ее. С ним она наконец сумеет начать новую, настоящую жизнь.

Однако, к ужасу молодой жены, Корин на другой же день собрал вещи и приготовился уехать из Нью-Йорка.

— Первую брачную ночь мы проведем *дома*, в доме, который я построил для нас, а не тут, где пока еще продолжается траур по отцу. Я же приехал на похороны и не думал, что найду себе жену, — улыбался он, целуя ей руки. — Мне необходимо кое-что уладить, подготовить дом к твоему приезду. Хочу, чтобы там все было идеально.

— Все и будет идеально, Корин, — уверила его Кэролайн, до сих пор не

привыкшая называть мужчину — любого мужчину — просто по имени. Его поцелуи жгли ей кожу, у нее сбивалось дыхание. — Пожалуйста, разреши мне тоже поехать с тобой.

— Дай мне месяц, всего месяц, любимая. Выезжай через четыре недели, к тому времени я все приготовлю. У тебя будет время проститься с друзьями, а у меня — похвастаться всем моим знакомым, что я женат на самой красивой девушке в Америке. — Корин был убедителен, и жена согласилась, хотя с его отъездом даже небо, казалось, потемнело.

Кэролайн нанесла визиты нескольким школьным подругам, желая попрощаться, но одних не заставала дома, другие были заняты и

не могли ее принять. Поняв наконец, что стала персоной *non grata*, она просидела четыре недели дома, страдая от тяжелой молчаливой атмосферы, царящей в доме, упаковывая и перепакующая багаж, строча Корину письмо за письмом и глядя в окно, откуда открывался вид на недавно возведенный дом Фуллера⁵ — клиновидное чудовище, возносившееся в небо на высоту почти трехсот футов. Кэролайн поверить не могла, что люди способны возвести такую громаду. Глядя на него, она чувствовала себя крохотной, и в сердце закрадывались первые сомнения. С отъездом Корина ей начало казаться, что его здесь никогда и не было, что все это ей просто приснилось. Кэролайн крутила

на пальце обручальное кольцо и хмурилась, гоня прочь подобные мысли. Но что такого ужасного могло случиться, возьми он ее с собой? Что он хочет скрыть от нее — уж не сожаление ли о скоропалительной женитьбе? Сара чувствовала, как страдает хозяйка.

— Теперь уж недолго, мисс, — говорила она, подавая чай.

— Сара... побудь со мной, ладно?

— Конечно, мисс.

— Как ты думаешь... как ты думаешь, у нас все будет хорошо? Там, в Оклахоме? — тихо спросила Кэролайн.

— Разумеется, мисс! Я, правда, не знаю... Никогда не бывала в тех краях, но мистер Мэсси будет о вас заботиться, мисс, я уверена. Он не

потащит вас куда-то против воли, если вы не захотите, это уж точно, — уверяла ее Сара.

— Батильда говорит, мне придется работать. Пока я не вступлю в права наследства, я буду... женой фермера.

— Ну да, мисс, но ведь не простого фермера...

— Работать — это очень трудно? По дому и вообще? Ты так хорошо справляешься с хозяйством, Сара... тебе трудно? — теребила Кэролайн служанку, стараясь прогнать тревогу.

Сара смотрела на нее со странным, смешанным выражением удивления, жалости и легкого презрения.

— Работа может быть и трудной, мисс, — ответила она как-то неуверенно, — но вы же будете хозяйкой дома! Вы сможете все в

доме поставить по-своему, и, я уверена, у вас будет помощь. Ой, да не беспокойтесь так, мисс! Конечно, вам придется привыкать к жизни, непохожей на здешнюю, но вы будете счастливы, я уверена.

— Да. Буду счастливой, правда? — улыбнулась Кэролайн.

— Мистер Мэсси вас любит, а вы любите его, как же можете вы не быть счастливы?

— Да, я люблю его, — подтвердила Кэролайн с глубоким вздохом и крепко пожала Саре руку.

— Я *так* за вас рада, мисс. — Голос Сары дрогнул, в глазах блеснули слезы.

— О, не надо, Сара, прошу тебя! Как бы хотела я, чтобы и ты поехала со мной! — вскрикнула Кэролайн.

— И я бы хотела, мисс, — тихо проговорила Сара, вытирая глаза уголком фартука.

Когда наконец пришло письмо от Корина, со словами любви и просьбой набраться терпения и подождать еще совсем чуть-чуть, Кэролайн читала и перечитывала его по двадцать раз на дню, пока не выучила наизусть. Письмо поддерживало, вселяло в нее бодрость. Когда подошли к концу четыре недели, она, прощаясь, поцеловала Батильду в щеку в красных прожилках, надеясь увидеть хоть намек на сожаление в тетушкиных глазах. Но провожала ее только Сара, безутешно проплакавшая всю дорогу рядом с юной хозяйкой, пока гнедые лошади

цокали копытами по оживленным улицам.

— Не знаю, как я тут буду без вас, мисс. Не знаю, зачем мне этот Лондон, — рыдала девушка.

Кэролайн взяла ее за руку и крепко сжала, слишком взволнованная, чтобы вымолвить хоть слово. Только оказавшись перед локомотивом, неистово изрыгавшим пар и дым, и почувствовав, как ноздри ее наполнились запахами горячего железа и угля, она поняла наконец, что в ее жизни начинаются перемены, что ей предстоит изведать радость путешествия. Кэролайн зажмурилась, поезд тронулся, и под его громкий, торжественный гудок старая ее жизнь закончилась и началась новая.

---

³ *Оуэн Уистер* (1860–1938) — американский писатель. Его произведение «Виргинец» (1902) принято считать первым современным вестерном.

⁴ *Чарльз Дана Гибсон* (1867–1944) — американский художник и иллюстратор, известный как создатель феномена девушек Гибсона, воплощающих идеал красоты на рубеже XIX–XX вв.

⁵ Построенное как штаб-квартира строительной компании Джорджа А. Фуллера, здание сначала называлось домом Фуллера, но вскоре получило прозвище «Утюг».

ГЛАВА ВТОРАЯ

Брат моей матери, дядя Клиффорд, и его жена Мэри хотят взять старый бельевой шкаф из детской, круглый столик в стиле королевы Анны из кабинета и коллекцию миниатюр в стеклянной витрине у подножия лестницы. Я не уверена, что Мередит именно это имела в виду, когда говорила, что ее дети могут взять по *сувениру*, но мне, в сущности, плевать. Осмелюсь предположить, что до конца недели в грузовике Клиффорда окажутся и

многие другие вещи, но, хотя это разозлило бы Мередит, меня это не волнует. Дом, конечно, великолепный, но все же это не Чатсуорт⁶. Антиквариата, место которому в музее, здесь нет, разве что пара картин. Просто большой старый дом, полный старых вещей, возможно ценных, но нелюбимых. Наша мама попросила только семейные фотографии, все, какие найду. Я люблю ее за эту сдержанность, а также порядочность и доброту.

Надеюсь, Клиффорд пришлет достаточно грузчиков. Шкаф для белья — настоящая громадина. Он занимает всю дальнюю стену в детской: акры французского красного дерева с башенками и резными карнизами, целый миниатюрный

замок для хранения крахмала и нафталина, со скрипучей лесенкой, ступеньки которой стонут и прогибаются подо мной. Я стягиваю с полок хрусткие стопки накрахмаленного белья и бросаю на пол. Они плоские и тяжелые, когда они падают на пол, качаются картины. Повсюду летает пыль, у меня свербит в носу, а в дверях появляется Бет: пришла посмотреть, что за разгром я тут устроила. Тут столько всего. Целые «поколения» простыней, достаточно истертых, чтобы их заменить, но еще не настолько, чтобы выбросить. Некоторых стопок, похоже, никто не касался десятилетиями. Я вспоминаю экономку Мередит, поднимающуюся по ступенькам со стопками белья, ее

морщинистые красные щеки и некрасивые широкие ладони.

Опустошив шкаф, я задумываюсь, как поступить со всем этим бельем. Пожалуй, можно отдать в благотворительную организацию. Но сейчас мне совсем не хочется распихивать все по черным пластиковым мешкам, перетаскивать в машину и партиями отвозить в соседний городок Девайзес. Я начинаю складывать стопки белья у стены, при этом в глаза мне бросается узор, единственное цветное, хоть и бледное, пятно среди всей этой белизны. Желтые цветы. Три наволочки с желтыми цветами и зелеными стеблями, вышитыми в каждом углу. Шелковые нити до сих пор блестят на солнце. Я вожу

пальцем по аккуратным стежкам, ощущая, какой мягкой стала ткань от времени. Что-то мелькает в голове, что-то, что я знаю, но никак не могу вспомнить. Видела ли я их прежде? Цветы похожи на дикорастущие, страшно знакомые, но я не могу вспомнить, как они называются. И таких наволочек только три. Во всех остальных комплектах, кроме этого, по четыре. Кидаю их обратно в стопку, набрасываю сверху еще белье. И, заметив, что хмурюсь, старательно разглаживаю лоб.

Клиффорд и Мэри — родители Генри. Были родителями Генри. Они были в Сан-Тропе, когда он пропал, и пресса обошлась с ними несправедливо, раздув из этого целую историю. Как будто они оставили

ребенка с чужими людьми или вообще бросили дома одного. Наши родители тоже так делали. Мы часто приезжали сюда и оставались на все школьные каникулы, и так было много лет — мама и папа на две-три недели уезжали без нас. В Италию, где они совершали долгие прогулки, или на Карибские острова — покататься на яхте. Я и любила и боялась, когда они уезжали. Любила, потому что Мередит не особенно за нами следила, никогда не искала нас, даже когда мы пропадали часами. Мы носились как угорелые, наслаждались свободой. А боялась, потому что иногда Мередит вспоминала о том, что отвечает за нас. Мы должны были находиться при ней. Ужинать с ней, отвечать на ее вопросы, выдумывая,

как получше соврать. Я никогда не думала, что бабушка мне не нравится или что я ее не люблю. Слишком была мала, чтобы так рассуждать. Но, когда возвращалась мама, я бежала к ней со всех ног и обнимала, вцепляясь в юбку.

Бет не отпускала меня от себя, когда родители уезжали. Если она и уходила вперед, то одну руку всегда держала чуть сзади, растопырив длинные пальцы и всегда ожидая, что я вот-вот ухвачусь за них. Если этого не происходило, сестра останавливалась, оглядывалась через плечо, проверяя, не отстала ли я.

Однажды летом Динни решил построить дом на высоком буке в дальнем конце леса. Он пропадал там целыми днями и запретил нам

выслеживать его. Погода стояла пасмурная, поверхность Росного пруда, слишком холодного, чтобы купаться, покрылась рябью. Мы затевали в пустующей спальне игры с переодеванием, возводили в оранжерее замки из пустых горшков, в саду на верхней лужайке устроили тайник в тисовом кусту, подстриженном в форме шара. Спустя несколько дней солнце вновь показалось из-за туч, и мы опять увидели Динни. Он махал нам рукой, и Бет заулыбалась, а глаза у нее сияли.

— Он готов, — сообщил Динни, как только мы подошли.

— О чем ты? — заинтересовалась я.
— Ну, говори же скорей!

— Сюрприз, — вот и все, что он

сказал, улыбаясь так же застенчиво, как и Бет.

Мы поспешили за ним следом через лес, и я все тараторила, рассказывала ему о нашем укромном месте среди тисовых кустов. Но тут я увидела его и замолчала. Один из самых больших буков, с гладким серебристым стволом и складками коры там, где отходили ветки, как на сгибе локтя или коленки. Я и прежде видела, как Динни забирался на него, ловко подтягиваясь, и сидел среди светло-зеленой листвы у меня над головой. Сейчас там, в вышине, где дерево начинало ветвиться, Динни соорудил широкую площадку из крепких досок. Сделал стены из старых мешков из-под удобрений. Ярко-голубые мешки, прибитые гвоздями к деревянному

каркасу, раздувались и пузырились, как паруса. Путь к этой цитадели был отмечен прочными веревочными петлями и деревянными чурбачками, приколочеными к стволу и образующими что-то вроде перил. В наступившей тишине я слышала, как шелестят мешки на ветру.

— Ну как? — Динни сложил на груди руки и искоса взглянул на нас.

— Просто потрясающе! Это самый лучший дом на дереве, который я только видела! — воскликнула я, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу.

— Здорово! Неужели ты все сам построил? — спросила Бет. Она все еще улыбалась, запрокинув голову и рассматривая голубой дом.

Динни кивнул.

— Забирайтесь и посмотрите — внутри он еще лучше, — бросил он, подходя к подножию дерева и хватаясь за нижний брусок.

— Ну, давай же, Бет! — подтолкнула я сестру, когда она заколебалась.

— Ах так? — рассмеялась Бет. — Давай-ка ты первая, Эрика, я тебя посажу на первую ветку.

— Нужно придумать ему имя! Ты должен его назвать, Динни! — тараторила я, поддергивая юбку и запихивая ее в штанишки.

— Может, Сторожевая башня? Или Гнездо ворона? — предложил он.

Мы с Бет согласились: Гнездо ворона — название что надо. Бет посадила меня на нижний сук, я встала на него, ободрав рантом

сандалий зеленый, похожий на пудру налет, но до следующей петли дотянуться не сумела. Кончиками пальцев я цеплялась за край петли, вот она, совсем рядом и в то же время слишком далеко, чтобы ухватиться как следует. Динни тоже забрался на нижний сук и подставил мне колено, так что я дотянулась до петли, но не сумела закинуть ногу.

— Слезай, Эрика, — скомандовала наконец Бет, когда я, красная и взмокшая, уже чуть не плакала.

— Нет! Я хочу наверх! — Я протестовала, но сестра покачала головой.

— Ты слишком мала! Слезай! — настойчиво повторяла она.

Динни убрал колено, спрыгнул с дерева, и мне ничего не оставалось,

как подчиниться. Я сползла вниз на землю и уныло молчала, уставившись на свои дурацкие коротенькие ноги. Я ободрала коленку, но была так подавлена, что даже не обратила внимания на липкую струйку крови, текущей по коже.

— Бет, тогда ты? Полезешь наверх? — спросил Динни, и я совсем пала духом, поняв, что сейчас останусь одна и так и не увижу чудесного дома на дереве.

Однако Бет тряхнула головой.

— Нет, раз Эрика не может, — твердо сказала она.

Я посмотрела на Динни, но тут же снова отвернулась, сжавшись от горького разочарования, которое заметила в его глазах, оттого что улыбка исчезла с его лица. Динни

прислонился к стволу, сложил руки на груди.

Бет чуточку поколебалась, как будто не зная, что сказать. Потом снова протянула мне ладонь:

— Идем, Рик. Нам нужно идти и вымыть тебе ногу.

Через два дня Динни снова позвал нас, и на этот раз ствол бука был весь утыкан петлями и ступеньками. Бет спокойно улыбнулась Динни, а я вскочила на первую ступеньку этой шаткой лестницы, поглядывая на плывущий в вышине дом, к которому мне предстояло вскарабкаться.

— Осторожно, — выдохнула Бет, прикусив пальцы, когда я, оступившись, покачнулась.

Она поднималась следом за мной, сосредоточенно хмурясь и стараясь не

смотреть вниз. Вместо двери болталась занавеска из мешковины. Внутри Динни разложил мешки, набитые соломой. Мы увидели деревянный стол из ящика, букетик купыря в молочной бутылке, колоду карт, несколько комиксов. Самое лучшее место из всех, где я когда-либо бывала. Мы сделали надпись и прибили внизу: *«Гнездо ворона. Посторонним вход воспрещен»*. Мама смеялась, когда увидела эту табличку. Мы проводили в шалаше долгие часы, парили в шелестящих зеленых облаках, над которыми виднелись лоскутки ясного синего неба. Мы устраивали там пикники вдали от Мередит и Генри. Я боялась, что Генри все испортит, если поднимется в шалаш. Меня волновало то, что он

бесцеремонно вторгнется в наше волшебное место, высмеет его, разрушит чары. Но по счастливейшему для нас стечению обстоятельств оказалось, что Генри боится высоты.

В моей памяти Генри всегда крупнее меня, всегда старше. Ему было одиннадцать, а мне семь. Тогда эта разница казалась непреодолимой. Он был *большим мальчиком*. Он был шумным и любил распоряжаться. Он заявил, что я должна его слушаться. Он подлизывался к Мередит, которая всегда больше любила мальчиков. Он сопровождал ее, когда изредка Мередит решала прогуляться по лесу, и неоднократно помогал осуществлять ее мерзкие замыслы. Генри... Мясистая шея и скошенный

подбородок, темно-русые волосы, светлые голубые глаза — когда он щурился, они превращались в противные буравчики, — бледная кожа, а летом облупленный нос. Он, как я теперь понимаю, был из тех детей, которые больше похожи на маленьких взрослых. Посмотришь на такого — и сразу поймешь, каким он будет, когда вырастет. Черты его лица уже оформились, им предстояло увеличиться, но не измениться. Он, мне кажется, был весь как на ладони: неинтересный, необаятельный. Впрочем, говорить так несправедливо. У него не было шанса опровергнуть мое мнение.

У Эдди лицо пока еще детское, и мне оно нравится. Ничем не

примечательный мальчишка с острым носом, волосы хохолком, из школьных шорт торчат тощие ноги с шишковатыми коленками. Мой племянник. На платформе он обнимает Бет, слегка смущаясь, потому что в поезде едут его одноклассники, они машут ему в окно, одобрительно поднимают большой палец. Я с окоченевшими руками жду у машины — и улыбаюсь, когда Бет с сыном подходят поближе.

— Привет, Крошка Эдди! Эддерино! Эддиус Великий! — Я обнимаю племянника и прижимаю к себе, приподнимая от земли.

— Тетя Рики, я теперь просто Эд! — протестует он несколько раздраженно.

— Все поняла. Прости. А ты не

говори мне *тетя* — я чувствую себя столетней старухой! Забрасывай назад свой рюкзак и поехали, — отвечаю я, преодолевая искушение еще подразнить его. Эду уже одиннадцать. Возраст, в котором навсегда остался Генри. Еще ребенок, но уже достаточно взрослый, чтобы обижаться на поддразнивание. — Как прошла поездка?

— Скучно. Если не считать того, что Эбсомом запер Маркуса в туалете. Он орал там всю дорогу — было весело, — сообщает Эдди. От него пахнет школой, и запах, острый и кисловатый, заполняет машину. Грязные носки, карандашные стружки, цементный раствор, чернила, залежавшиеся черствые сэндвичи.

— Весело, что и говорить! Две недели назад меня вызывали в школу из-за того, что этот красавец запер в классе учительницу рисования. Они подперли дверь шкафчиками! — громко и радостно сообщает Бет, переглянувшись со мной.

— Это *не* я придумал, мам!

— Ты только помогал, — парирует Бет. — А если бы там случился пожар или еще что-то? Бедняжка несколько часов просидела взаперти!

— Ну... тогда не надо запрещать пользоваться в школе мобильниками, вот! — заявляет Эдди с улыбкой.

Перехватив его взгляд в зеркале заднего вида, я подмигиваю.

— Эдвард Мэлкотт Уокер, я просто в шоке, — беспечно комментирую я.

Бет смотрит на меня с упреком. Я

должна помнить, что мне не следует принимать сторону Эдди против нее даже в таких, казалось бы, мелочах. Мы не можем объединяться с ним против Бет ни на секунду. Она уже обижается.

— Это новая машина?

— В общем, да, — отвечаю я ему.

— Старый-то мой «жучок» накрылся в конце концов. Подожди, Эд, ты еще дома не видел. Это просто монстр.

Но когда мы приближаемся и я в предвкушении оглядываюсь, он кивает, подняв брови. Заметно, однако, что зрелище не особенно впечатлило его. Тогда мне приходит в голову, что наши хоромы, возможно, не больше флигеля в его школе. Вероятно, усадьба даже меньше, чем дома большинства его

одноклассников.

— Я так счастлива, что у тебя каникулы, сынок, — говорит Бет, снимая с Эдди рюкзак.

Он улыбается, глядя на нее искоса: явно немного сконфужен. Со временем он вытянется и перегонит мать — уже сейчас он ей по плечо.

Я показываю Эдди окрестности, пока Бет изучает табель с оценками. Я веду племянника вверх на курган, по унылому лесу, оттуда к Росному пруду. Он где-то нашел длинную палку и со свистом рассекает ею воздух, рубит траву и глухую крапиву. Сегодня потеплело, но очень сыро. В воздухе висят мелкие капельки мороси, над головой постукивают голые ветки.

— Почему его так называют —

Росный пруд? Это же и не пруд вовсе. — Эдди, низко присев на своих худющих голенастых ногах, тычет в берег палкой. По воде идет рябь. Карманы джинсов у него набиты разными сокровищами. Парнишка — сущая сорока, но этот этап никого не минует. Старые английские булавки, каштаны, подобранные на земле осколки сине-белого фарфора.

— Отсюда берет начало река. Давным-давно исток углубили, сделали этот пруд, что-то вроде водохранилища. А Росный пруд, наверное, потому, что в него собирается роса.

— А плавать в нем можно?

— Мы раньше плавали — Динни, твоя мама и я. Хотя, знаешь, я что-то не припомню, чтобы твоя мама хоть

раз зашла на глубину. Вода в пруду всегда холоднющая.

— У родителей Джейми есть классное озеро, в нем можно плавать. Настоящий бассейн, только не воняет хлоркой, нет кафеля, ну, ты понимаешь... Там растут водоросли, все такое, но он чистый.

— Здорово, наверное. Но не в это время года, как считаешь?

— Да уж пожалуй. А кто такой Динни?

— Динни... это был мальчик, с которым мы вместе играли... Когда мы были детьми и приезжали сюда. Его семья жила по соседству. Вот мы и... — Я умолкаю.

Почему разговор о Динни так смутил меня? Динни... Его руки с квадратными ладонями, такие

умелые. Смеющиеся темные глаза из-под челки, копна волос, в которую я однажды, пока он спал, натыкала ромашек, трясаясь от еле сдерживаемого смеха и собственной дерзости. От того, что я так близко и дотрагиваюсь до него.

— Он любил приключения. Однажды он построил нам потрясающий дом на дереве...

— Можно на него посмотреть? Он все еще там?

— Хочешь, пойдём проверим? — предлагаю я.

Эдди расплывается в улыбке, убегает вперед на несколько шагов и, прицелившись в тощее деревце, сражает его палкой, как двуручным мечом.

Постоянные зубы у Эдди еще не

окончательно встали на место. Кажется, они борются за положение во рту. Между ними большие щели, а два зуба наезжают друг на друга. Скоро им предстоит скрыться за брекетами.

— Я не расслышала, что кричали тебе другие ребята, — кричу я.

Эдди строит гримасу.

— Цветок в горшке, — нехотя сознается он.

— Что за *фигня*?..

— Ну, это довольно противно... Хочешь, чтобы я рассказал?

— Давай-ка колись. Никаких секретов между нами. — Я улыбаюсь.

Эдди вздыхает:

— Мисс Уилтон держит у себя на столе маленький горшок с растением — я не знаю точно каким. У мамы

тоже такое есть — с темно-лиловыми цветами и волосатыми листьями, помнишь?

— По описанию похоже на африканскую фиалку.

— Кто ее знает. Ну, она один раз наказала нас, заставила сидеть в классе вместо обеда. И я сказал, что так хочу есть, что готов сожрать что угодно. А Бен меня начал подначивать, что я не съем ее цветов. Ну и...

— Ты его съел? — Я поднимаю бровь, на ходу складываю на груди руки.

Эдди пожимает плечами, но видно, что он горд собой.

— Не *весь*. Только цветы.

— *Эдди!*

— Не рассказывай маме! —

хихикает он и снова бежит вперед. — Какое у тебя было прозвище в школе? — кричит он, обернувшись ко мне.

— Вообще-то, никакого. Просто Рик. Я всегда была самой младшей, бегала за старшими хвостиком. Динни иногда звал меня Щенок.

У нас с Эдди отношения ближе, чем обычно у теток с племянниками. Я жила с ним два месяца, пока Бет выздоравливала, пока ей *оказывали помощь*. Непростое это было время, мы были предупредительны, не ссорились и во всем друг другу уступали, вели себя нормально. Долгих разговоров по душам мы не вели. Не изливали друг другу душу, не откровенничали. Эдди тогда был слишком мал, а я чересчур замкнута. Но нас объединяли страх за Бет,

постоянное чувство тревоги, печали и замешательства. Мы оба с ума сходили и понимали это. Оно-то нас и сблизило — то тяжелое время. Мы с Максвеллом, отцом Эдди, взволнованно спорили вполголоса за закрытыми дверями, потому что не хотели, чтобы мальчик услышал, как отец называет его мать *недееспособной*.

Все, что осталось от дома на дереве, — несколько досок, потемневших и зеленых, скользких на вид. Они похожи на сгнившие обломки кораблекрушения.

— Ну что ж, он знал и лучшие времена, — грустно констатирую я.

— Ты же можешь его заново отстроить. Я помогу, хочешь? — Эдди старается меня подбодрить.

Я улыбаюсь:

— Можем попытаться. Но в любом случае дом годится только для лета, сейчас в нем холодно и грязно, так что нужно все обдумать.

— Почему вы перестали сюда ездить? Навещать прабабушку? — Невинный вопрос — бедняга Эдди, он хочет разрядить обстановку. Ну и выбрал что спросить.

— О... знаешь... просто мы, когда подросли, стали ездить всюду с родителями. Да я и не помню.

— Но ты же сама говорила, что люди навсегда запоминают важные события своего детства. Ты мне так сказала, когда я получил приз на конкурсе чтецов.

Я, конечно, имела в виду приятные воспоминания. Но Эдди получил этот

приз, когда я жила с ним, в те два месяца. И мы тогда оба, не сговариваясь, подумали об одном: Эдди никогда не забудет, как вернулся из школы домой и обнаружил Бет в ужасном виде. Увидев, как эта мысль отразилась на его лице, я только прикрыла глаза и пожалела, что не могу вернуть вылетевшие слова.

— Вот видишь, лишнее доказательство того, что это не было так уж важно, понимаешь? — отвечаю я небрежно. — Пошли, тут еще полно всего интересного.

Мы идем обратно к дому и, спасаясь от начавшегося дождя, ныряем в оранжерею. Оттуда, вымокнув до нитки, мы двигаемся короткими перебежками от укрытия к укрытию,

от старой конюшни к каретному сараю, заваленному хламом и побелевшему от птичьего помета. Задрав головы, мы считаем ласточкины гнезда: потолочные балки облеплены ими, будто древесными грибами. Эдди находит топорик с лезвием, покрытым ржавчиной.

— Класс! — выдыхает он, описывая в воздухе широкую дугу.

Я ловлю его за запястье, большим пальцем провожу по лезвию, убеждаюсь, что оно не чересчур острое.

— Будь с ним крайне осторожен! — Я смотрю ему прямо в глаза. — И не носи его в дом.

— Не буду, — обещает мальчишка, снова взмахивает топориком — и улыбается, слушая, как свистит

разрубаемый воздух.

Становится темнее, дождь усиливается. За дверью каретного сарая уже течет, пузырясь, грязный ручей.

— Пойдем-ка домой, пора уже. Твоя мама начнет беспокоиться, куда мы пропали.

— Давай покажем ей дом на дереве и скажем, что можем его восстановить. Спросим, что она об этом думает. Как ты думаешь, она захочет работать с нами?

— Я не уверена, Эд. Ты же знаешь, как она легко простужается в такую погоду, — отвечаю я. — У нее нет никакой защиты от зимней стужи. Ни полноты, ни мускулатуры, ни толстой кожи.

Когда мы являемся на кухню, Бет

снова печет пирожки с мясом. Раскатывает тесто, вырезает кусочки, кладет начинку, отправляет в духовку, снимает с противня. Она начала печь вчера, готовясь к приезду Эдди, и конца, похоже, не видно. Кухонный стол засыпан мукой и обрезками теста, заставлен пустыми лотками из-под фарша. Запах просто-божественный. Раскрасневшаяся Бет вынимает из духовки очередную порцию, ставит противень на исцарапанную столешницу. Она уже заполнила пирожками все коробки для печенья, миски и подносы. А еще несколько пакетов убраны в древнюю морозилку в подполе. Я хватаю пару пирожков, один протягиваю Эдди. Обжигаю язык начинкой.

— М-м... сказочно вкусно, —

говорю я вместо приветствия.

Бет отвечает улыбкой, которая становится шире, когда она поворачивается к сыну. Подойдя, она целует Эдди в щеку и оставляет бледные мучные отпечатки у него на рукавах.

— Ты просто молодец, сынок. Все учителя, похоже, тобой довольны, — обращается она к мальчику.

Я беру со стола табель, сдуваю муку и перелистываю.

— Кроме, кажется, мисс Уилтон, — добавляет Бет.

Та самая. Африканская фиалка.

— Что она преподает? — спрашиваю я, и Эдди поеживается.

— Французский, — мычит он с набитым ртом.

— Она пишет, что ты работал не в

полную силу, и если бы постарался, то мог добиться куда больших успехов, — продолжает Бет, держа Эдди за плечи и не давая ему улизнуть. Он пожимает плечами. — И еще: тебя в этом семестре *трижды* наказывали, оставляли после уроков! Что это значит?

— Французский *жутко* скучный! — заявляет Эдди. — А мисс Уилтон *жутко* строгая. И несправедливая, честно! Один раз наказала меня за то, что Бен бросил мне записку. Я, что ли, был в этом виноват?

— Ну, постарайся быть повнимательнее, хорошо? Французский язык — важный предмет... да, важный! — настаивает Бет, когда Эдди закатывает глаза. — Вот я разбогатею, уйду на пенсию и

перееду на юг Франции, что ты будешь делать, не зная языка?

— Буду кричать и тыкать во все пальцем, — отважно предполагает Эдди.

Бет сурово поджимает губы, но потом прыскает со смеху. Смех у нее мягкий, глубокий — как редко я его слышу. Сейчас она не может сдержать его, спасибо Эдди.

— Можно мне еще пирожок? — спрашивает он, понимая, что победил.

— Бери. А потом отправляйся в ванную, грязнуля!

Эдди хватает два пирожка и пулей вылетает из кухни.

— Захвати наверх свой рюкзак! — кричит Бет ему вдогонку.

— У меня руки заняты! — вопит в ответ Эдди.

— Скажи уж, просто лень, — тихо комментирует Бет, глядя на меня, и улыбается чуть виновато.

Потом мы смотрим фильм. Бет свернулась калачиком на диване рядом с Эдди, между ними большущая миска с попкорном. Взглянув на сестру, я замечаю, что она почти не смотрит на экран. Повернув голову, она положила подбородок на плечо Эдди и довольно жмурит глаза. У меня внутри что-то разжимается, будто ледышка тает в камине. Суббота и воскресенье пролетают незаметно — поход в кинотеатр в Девайзесе, приготовление уроков за кухонным столом, пирожки. Эдди или возится в каретном сарае, или обследует пустую конюшню, размахивая топориком. Бет

безмятежна, хотя немного рассеянна. Печь она перестает, когда заканчивается мука, и подолгу стоит у окна, наблюдает за Эдди со слабой, отсутствующей улыбкой.

— Я могу взять его во Францию на будущее лето, — говорит она, не отрывая взгляда от окна.

Я подаю ей чашку чаю.

— Мне кажется, ему там понравится, — отвечаю я.

— Например, в Дордонь. Или в долину Ло. Мы бы поплавали в речке.

Меня радует, что она строит планы на будущее. Меня радует, что она загадывает на целый год вперед. На миг я кладу подбородок ей на плечо, следую за ее взглядом, устремленным в сад.

— Я же говорила, что ему здесь

понравится, — замечаю я. — У нас будет замечательное Рождество.

Волосы у Бет чуть пахнут мятой, и я перекидываю их ей на спину, расправляю, провожу рукой, приглаживая их.

Вечером в воскресенье Максвелл приезжает за сыном. Я зову Бет, открываю ему дверь и, пока она не появилась, показываю ему первый этаж и варю кофе. Максвелл развелся с Бет пять лет назад, когда ее депрессия набирала обороты, а вес стремительно снижался. Он объяснил, что больше так не может и что нельзя растить ребенка в такой обстановке. Так что он ее бросил и почти сразу же снова женился — на маленькой, пухлой и пышущей здоровьем женщине по имени Диана.

Белоснежные зубы, кашемир, превосходный маникюр. Женщина без излишних сложностей. Мне всегда казалось, что депрессия Бет пришлась Максвеллу как нельзя кстати. Но он вовсе не злодей. Просто познакомился с Бет в хорошие времена, вот и все. Она тогда была само изящество — грациозная, застенчивая красавица, напоминающая лебедя или лилию. А Максвелл оказался другом до первой беды. Сейчас с его серого плаща на пол капает вода, но никакая непогода не может погасить отблеск богатства на его волосах, обуви, коже.

— Замечательное место, — говорит Максвелл и делает глоток обжигающе-горячего кофе с хлюпающим звуком, который я не

переношу.

— Да, мне тоже так кажется, — соглашаюсь я и протягиваю руки к плите. Мне трудно было делать вид, что Максвелл мне нравится, даже когда он был моим родственником. Сейчас это почти невозможно.

— Потребуется много работы, конечно. Но возможности просто огромные, — заявляет он.

Свое состояние Максвелл сколотил на недвижимости, и я задумываюсь, и не без злорадства, сильно ли отразился на нем финансовый кризис. Огромные возможности. Точно так же он говорил и про коттедж неподалеку от Эшера, который Бет купила после развода. Он на все смотрит глазами застройщика, но Бет решила сохранить разбухшие деревянные

двери и камин, которые не желают разгораться, пока не откроешь окна. Ее устраивает полуразруха.

— Вы уже решили, что будете с ним делать?

— Пока нет. Мы с Бет еще об этом не говорили.

На его лице мелькает раздражение. Ему не по душе, когда деликатность мешает здравому смыслу.

— А ведь это наследство может сделать вас обоих богатыми...

— Вот только мы должны остаться здесь. Жить здесь. Я не уверена, что нам с сестрой этого хочется.

— Ну, не обязательно же занимать весь дом. А вы не думали поделить его на отдельные квартиры? Конечно, потребуется сделать проект, но это не проблема. Вы бы заняли одну

квартиру, и платить не нужно, а остальные сдавали бы в многолетнюю аренду. Сумасшедшая прибыль, и условия завещания будут соблюдены.

— Работа обойдется в десятки тысяч... — Я качаю головой. — А про кризис ты не забыл? Мне казалось, жилищное строительство сейчас парализовано?

— Да, сейчас отрасль испытывает временные затруднения, но пройдет два-три года, и... людям всегда будет нужно жилье. — Максвелл кивает в такт своим словам. — Вам потребуются инвесторы. Я мог бы помочь. Я и сам мог бы заинтересоваться...

Я смотрю, как он с интересом оглядывает комнату, как будто строит

планы, прикидывает, измеряет. Это вызывает у меня приступ отвращения.

— Спасибо. Я скажу Бет. — Я говорю таким тоном, что становится ясно: разговор окончен.

Максвелл сверлит меня взглядом, но на время умолкает. Он пристально смотрит на натюрморт с фруктами на противоположной стене, потом откашливается, прочищает горло, и я уже знаю, каким будет следующий вопрос.

— Ну а как там Бет?

— Нормально. — Я нарочно отвечаю так неопределенно.

Снова раздражение на его лице, морщины на лбу обозначаются резче.

— Прекрати, Эрика. Когда я видел ее на прошлой неделе, мне показалось, что она опять похудела. У

нее снова начались странности?

Я стараюсь не думать о пирожках. О сотнях пирожков с мясом.

— Что-то не замечала, — лгу я. Лгу чудовищно. Сестре снова все хуже, и хотя я точно не знаю причины, зато могу уверенно сказать, когда это началось, когда она вновь стала слабеть. Это произошло, когда умерла Мередит и со своей смертью вернула этот дом в нашу жизнь.

— Так где же она?

— Понятия не имею. Может, ванну принимает.

— Следи за ней, — буркает он. — Я не хочу, чтобы Эдди встречал здесь Рождество, если снова начнется та же история. Он этого просто не заслуживает.

— *История* не начнется. По

крайней мере, если ты не собираешься забрать у нее Эдди, — рывкаю я.

— Я не говорю, что хочу отнять у нее Эдди. Речь о том, что лучше для моего сына, и...

— Для него лучше проводить как можно больше времени с матерью. И ей важно, чтобы он был рядом. Она всегда чувствует себя лучше...

— Я не позволю использовать Эдварда — он не лекарство для его матери!

— Я не это имела в виду!

— Я согласился, чтобы Эдвард приехал сюда только при условии, что ты, Эрика, постоянно будешь рядом и не спустишь с него глаз. Бет уже показала, какой непредсказуемой, нестабильной может быть. И не стоит

прятать голову в песок, этим делу не поможешь, ты и сама понимаешь.

— Смею надеяться, что я знаю свою сестру, Максвелл, и она *не* нестабильна...

— Вот что, Эрика, я вижу, что ты стоишь за нее горой, и это достойно восхищения. Но это не игрушки. Если Эдвард застанет Бет в один из худших ее моментов, это может неблагоприятно сказаться на всей его дальнейшей жизни. И я не собираюсь этого допускать! Это не должно повториться.

— Бога ради, говори тише.

— Послушай, я же просто хочу...

— Я знаю, чего ты хочешь, Максвелл, но ты не в силах изменить то, что Бет является матерью Эдди. Люди несовершенны, и Бет не

исключение. Но она прекрасная мать, она обожает Эдди, и если бы ты, для разнообразия, обратил на это внимание, вместо того чтобы следить, выжидать и вопить «*Передайте опеку отцу!*» каждый раз, как она *чуть оступится...*

— *Чуть оступится* — это слишком мягкое выражение, ты не находишь, Эрика?

И я едва могу поднять на него взгляд, потому что он прав.

В этот момент до нас доносится шум, и мы с Максвеллом испепеляем друг друга взглядами. В коридоре появляется Эдди, неловко помахивая рюкзачком с вещами слева направо. Рюкзак крутится на тоненьком запястье.

— Эдвард! — с широкой улыбкой

воскликает Максвелл и спешит навстречу сыну, чтобы обнять и тут же отпустить.

Мне приходится потрудиться, чтобы найти Бет. В доме сегодня мрачно, как и в окружающем мире. Воскресный день в разгар зимы, когда солнце едва приподнимается над горизонтом и вскоре уже ползет обратно. Я хожу от двери к двери, обнаруживаю, что они открыты, заглядываю внутрь, вдыхаю затхлый запах комнат, которые долго стояли закрытыми. Несколько часов назад мы завтракали за длинным столом на кухне. Поздний завтрак. Бет была весела, она просто сияла. Она приготовила нам какао, разогрела в печи круассаны. Слишком веселая, подозрительно сияла, запоздало

понимаю я. Я не заметила, как она со скальзывает вниз. На ходу я щелкаю выключателями, но большая часть лампочек перегорела. Наконец я нахожу ее сидящей на подоконнике в одной из спален верхнего этажа. Оттуда сквозь грязное, исполосованное дождем окно ей видна серебристая машина у входа.

— Максвелл приехал, — сообщаю я неизвестно зачем. Бет не обращает на меня внимания. Она беретя двумя пальцами за нижнюю губу, прижимает ее к зубам и что есть силы кусает. — Бет, Эдди уезжает. Тебе нужно выйти попрощаться. Пошли. И Максвелл хочет с тобой поговорить.

— Я не буду с ним говорить. Не хочу его видеть. И не хочу, чтобы Эдди уезжал.

— Я понимаю. Но это же не насовсем. И не можешь же ты отпустить Эдди, не обняв на прощание.

Бет поворачивает голову, смотрит на меня. Она кажется такой усталой. Усталой и грустной.

— Пожалуйста, Бет. Они ждут... нам нужно спуститься.

Бет тяжело вздыхает и слезает с подоконника, двигается она медленно, нерешительно, словно под водой.

— Я ее нашла! — Мой бодрый голос звучит слишком громко. — Этот дом так велик, что можно потеряться.

Бет и Максвелл не обращают на меня внимания, но Эдди растерянно улыбается в ответ. Как бы я хотела,

чтобы сестра умела притворяться, хоть иногда. Показать, что может держать себя в руках. А я сейчас просто готова стукнуть ее за то, что она неспособна предстать перед Максвеллом в наилучшем свете. Стоит перед ним со сложенными руками, утопая в бесформенном кардигане. Бет не боролась, когда Максвелл ее бросил. Расстались они «полюбовно» — именно с такой формулировкой согласились обе семьи.

Полюбовно. Нет ничего *полюбовного* в том, как Бет стоит сейчас здесь, суровая, с серым лицом. Они не прикасаются друг к другу.

— Рад видеть тебя, Бет. Хорошо выглядишь, — врет Макс.

— Ты тоже.

— Слушай, ты не возражаешь, если я привезу Эдди назад в субботу, а не в пятницу? Просто в пятницу вечером у Мелиссы школьный рождественский концерт, и мы хотели бы пойти на него вместе, правда, Эд?

Эдди дергает плечом, но кивает. Бедняга мог бы давать уроки дипломатии. У Бет искривляется рот. Для нее мучительны любые упоминания о теперешней семье Максвелла, невыносима каждая лишняя секунда, которую Эдди проводит там. Но просьба справедлива, и она тоже старается быть справедливой.

— Конечно. Разумеется, без проблем, — говорит она.

— Отлично. — Максвелл улыбается, улыбка мимолетная,

деловая.

Воцаряется тишина, только «шарк-шарк-шарк» шуршит рюкзак Эдди, качаясь как маятник.

— У вас, наверное, большие планы на эту неделю? — спрашивает Максвелл.

— Не особенно. Разобрать старое детское барахло, подготовиться к Рождеству, — весело отвечаю я. Бет молчит.

— Что ж, пожалуй, пора в путь, как ты думаешь, Эд? — Максвелл подталкивает сына к дверям. — Увидимся в субботу. Хорошей вам недели, девочки.

— Подожди! Эдди... — Бет кидается к мальчику и буквально душист в объятиях. Она поехала бы с ними, будь это возможно. Не

отпускала бы его от себя, не позволяла слишком привязаться к Диане и Мелиссе.

Когда дверь за мужчинами закрывается, я поворачиваюсь к Бет, но она не смотрит мне в глаза.

— Ну почему ты всегда такая вялая при Максвелле? — взрываюсь я. — Неужели ты не можешь быть более...

В замешательстве я умолкаю. Бет взмахивает руками.

— Нет, не могу! Я же знаю, он только и ждет, чтобы забрать у меня Эдди. Не могу я притворяться, что не понимаю этого или что мне это безразлично! — кричит она.

— Да я понимаю, понимаю... — Теперь я стараюсь утешить сестру.

Она обеими руками приглаживает растрепавшиеся волосы.

— Эдди скоро вернется, — добавляю я. — Бет, ты же знаешь, как сильно он тебя любит. Просто обожает, и Максвелл с этим ничего не сможет поделать...

Я обнимаю ее за плечи, пытаюсь развеселить. Бет вздыхает, складывает руки.

— Знаю. Я просто... Пойду приму душ, — произносит она и отворачивается.

Без Эдди большой дом снова опустел. По молчаливому согласию мы на время отложили сортировку вещей Мередит. Слишком уж их много, да и вообще это кажется бессмысленным. Обстановка и вещи уже так давно в доме, что, кажется, приросли к своим местам. Выдирать

их оттуда — непосильный труд. Тут требуется недюжинная сила, возможно, не обойтись без бульдозера, и я представляю себе, как зубастый стальной ковш слой за слоем зачерпывает ткани, ковры, бумагу, дерево, пыль... Тяжелая работа, не легче, чем вырезать шарики из неспелой дыни. Это будет еще и ужасным актом насилия, вандализма. Ведь все эти тряпки — свидетельства множества жизней.

— Я раньше никогда не задумывалась, что происходит с вещами человека, когда он умирает, — рассуждаю я за ужином. В кладовке, когда мы приехали, обнаружили залежи банок с консервированным супом «Хайнц», вот сейчас мы их и подьедаем. Но

скоро мне нужно будет сделать вылазку за продуктами в поселок.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну... я просто хочу сказать, что раньше никто из знакомых мне людей не умирал. Мне никогда не приходилось разгребать то, что осталось, и...

— Разгребать то, что осталось? По-твоему, получается, что смерть — это крайнее проявление эгоизма. Ты это хотела сказать? — Голос у Бет тихий и напряженный. Она резко переменилась после отъезда Эдди.

— Нет же! Конечно нет. Я совершенно не о том говорила. Я просто хотела сказать, что какие-то вещи даже в голову не приходят, о них вообще не думаешь, пока это не случится. Ну, например... Как все

рассортировать? Куда девать эти вещи? Я имею в виду, что будет с ночнушками Мередит? С ее чулками? С едой в кладовке? — отбиваюсь я. Я-то надеялась, что разговор получится самый обычный.

— Какая разница, Эрика? — резко бросает Бет.

Я умолкаю, отламываю кусок хлеба, крошу его в пальцах.

— Да никакой, — отвечаю. Иногда мне так одиноко рядом с Бет.

Раньше такого не было, ни в юности, ни в детстве. Мы почти не ссорились. Может, достаточно велика была разница в возрасте. Может, дело в том, что у нас был общий враг. Даже когда нас продержали взаперти целых два дня, два долгих солнечных дня, мы не вымещали досады друг на

друге. Виноват был Генри. И Мередит. Мередит с самого начала, как только мы радостно сообщили о новом друге, запретила нам играть с Динни, общаться с членами его семьи, даже просто приближаться к нему.

Мы познакомились с ним у Росного пруда, когда он плавал. День тогда был теплым, но не жарким. Кажется, лето только начиналось, зелень еще была свежая и яркая. Дул холодный ветер, так что, когда мы впервые увидели Динни, с которого ручьями стекала вода, нас пробрала дрожь. Его одежда была кучкой сложена на берегу. Вся одежда. Бет схватила меня за руку, но мы не убежали. Он нам сразу понравился. Нам сразу захотелось познакомиться с ним, худеньким, смуглым, обнаженным

мальчиком с темными мокрыми волосами до плеч, который плавал и нырял один, не нуждаясь в компании. Сколько мне тогда было лет? Точно не скажу. Четыре или пять, не больше.

— Вы кто? — спросил он, стоя в воде.

Я придвинулась ближе к Бет, крепче ухватила ее за палец.

— Это дом нашей бабушки, — объяснила Бет, махнув в сторону дома.

Динни подошел чуть ближе к берегу.

— Но вы-то кто? — Он заулыбался, зубы и глаза блестели.

— Бет! — обеспокоенно зашептала я. — Он совсем голый!

— Шш! — шикнула на меня Бет, но

это прозвучало не строго, а весело, как сдавленный смешок.

— Значит, ты Бет. А ты? — Динни посмотрел на меня.

Я вздернула подбородок.

— Я Эрика, — объявила я, собрав все свое самообладание в кулак.

В это мгновение из леса выскочил рыжий с белым песик, джек-рассел-терьер, и с лаем запрыгал вокруг нас, виляя хвостом.

— Я Натан Динсдейл, а вот это Артур. — Мальчик кивнул на собаку.

После этого я готова была следовать за ним куда ни позовет. Я мечтала о домашнем животном — настоящем друге, а не золотой рыбке, для которой только и хватило бы места у нас дома. Я так заигралась с песиком, что не помню, удалось ли Динни

выйти из воды так, чтобы Бет не увидела его наготы. Подозреваю, что не удалось.

Разумеется, мы продолжали видеться, несмотря на запреты Мередит. От Генри нам обычно удавалось ускользнуть, и только после этого мы отправлялись к стоянке на границе поместья, где Динни жил со своими родителями. Впрочем, Генри и сам старался держаться от нас подальше. Он не хотел слушаться Мередит и, подражая ей, выказывал презрение к бродягам. Он проникся этим заимствованным чувством настолько, что оно переросло в его личную ненависть. В тот раз, когда Мередит заперла нас, родителей не было, они уехали на выходные. Мы бегали в

деревню с Динни, чтобы купить в лавочке конфет и колы. Оглянувшись, я увидела Генри — он нырнул за телефонную будку, но недостаточно проворно, и, пока мы шли к дому, у меня все время покалывало между лопатками. Динни попрощался с нами и побрел прочь между деревьями, стараясь держаться подальше от нашего дома.

Мередит, когда мы вернулись, уже поджидала нас. Генри нигде не было видно. Но я-то знала, откуда ей все известно. Она схватила нас за руки, оцарапав ногтями, и нагнулась с искривленным от злобы лицом.

— Кто якшается с дворнягами, рискует набратсья блох, — выговорила она ледяным тоном, чеканя каждое слово.

Нас потащили наверх, заставили мыться в ванной с такой горячей водой, что кожа покраснела и воспалилась. Я плакала навзрыд. Бет, осатанев от ярости, молчала.

Когда это кончилось, я лежала в постели, меня бил озноб, а Бет тихо объясняла:

— Она хочет нас наказать, держа взаперти, значит, мы должны показать, что нам все равно, что нам на это наплевать. Понимаешь, Эрика? Пожалуйста, не плачь!

Она шептала, гладила меня по волосам пальцами, трясущимися от гнева. Кажется, я кивала, но была слишком расстроена и потрясена, чтобы вслушиваться в ее слова. На улице еще вовсю светило солнце. Я слышала, как Генри играет на

лужайке с собакой, слышала голос Клиффорда, неясно доносившийся с нижнего этажа. Ясный, погожий августовский день, а нам велено ложиться спать. Мы под замком на все выходные.

Когда родители вернулись, мы все им рассказали.

— Это уж чересчур, Лора, — сказал отец, — на сей раз она зашла слишком далеко.

Мама ответила:

— Я с ней поговорю.

За чаем я подслушала их разговор на кухне. Мама и Мередит.

— Мне кажется, мама, он неплохой мальчик. Довольно неглупый. Я не понимаю, чем общение с ним может им повредить, — мягко обратилась к бабушке мама.

— Ах, не понимаешь? Ты хочешь, чтобы девочки подхватили от него этот мерзкий уилтширский жаргон? Хочешь, чтобы он научил их воровать и сквернословить? Хочешь, чтобы они завшивели и опустились? Если так, тогда и в самом деле их общение не может им повредить, — холодно отвечала Мередит.

— Мои девочки *никогда* не будут воровать, — твердо сказала мама. — И мне кажется, называя их *опустившимися*, ты тоже сильно преувеличиваешь.

— Совсем нет, Лора. Разве ты забыла, сколько неприятностей причинили нам эти люди за все годы?

— Разве можно это забыть, — вздохнула мама.

— Ну вот, а это ведь твои дочери...

— Да, мои.

— Так вот, если желаешь, чтобы они жили под моим кровом, если вверяешь их моим заботам, пусть изволят подчиняться *моим* правилам, — отрезала Мередит.

Мама глубоко вздохнула:

— Если только я услышу, что ты снова запирала девочек, они никогда здесь больше не появятся. Как и мы с Дэвидом.

Она говорила тихо, но я почувствовала, как она напряжена. Голос ее слегка дрожал. Мередит не ответила. До меня донесся звук ее шагов, и я поскорее спряталась. Поняв, что опасность миновала, я бросилась на кухню. Мама стирала, молча, энергично терла белье, глаза у нее сверкали. Двумя руками я обняла

ее ноги что было сил. Мередит по-прежнему была против того, чтобы мы водились с Динни, но больше она никогда не сажала нас под арест. Мама одержала верх — по крайней мере, на этот раз.

Утро понедельника, свинцовое и сырое. Проснувшись, я чувствую, как замерзли пальцы на руках и ногах, и не могу их согреть, а теперь заледенел и кончик носа. Не припомню, когда я в последний раз так мерзла. В Лондоне такого не случается. Там промозгло-теплое метро, душное тепло магазинов и кафе. Сотни мест, где можно укрыться, если на улице похолодает. Я в оранжерее в южной части дома, осматриваю небольшой газон, окруженный сучковатыми

плодовыми деревцами. Если мы слишком шумно играли и «испытывали терпение» Мередит, нас высылали сюда, на лужайку. Взрослые тем временем пили холодный чай и водку, сидя за белым металлическим столом на западной веранде. Компанию мне составляют скелетообразные останки высохшей помидорной рассады да пухлая жаба. Она уселась рядом с краном, из которого капает ржавая вода. Я успела отвыкнуть от сельского покоя, и тишина нервирует меня.

Здесь сыро, пахнет землей, это запах плодородия, хотя сезон и неподходящий. С этой лужайкой связано одно из самых ранних моих воспоминаний о Генри, которому тогда было лет восемь-девять, а мне,

наверное, пять. Жаркий августовский день, лето из тех, которое, кажется, будет длиться вечно. Трава выгорела и высохла, каменные плиты террасы так раскалены, что босыми ногами не ступить. Собаки разомлели и не хотят играть. У меня облупился нос, у Бет на руках веснушки. Для нас на лужайке устроили бассейн-лягушатник. Такой большой, что сбоку подставлена лесенка, чтобы забираться в него, внутри бассейн устлан синим пластиком, манящим даже без воды. До сих пор помню запах этой разогретой на солнце пластмассы. Бассейн установлен, расправлен, к нему подведен шланг. Он незаконно подсоединен прямо к магистральной трубе, и ледяная вода обжигает горячую кожу.

Восхитительное онемение. Я прыгаю вокруг в красном купальнике, мечтая, чтобы бассейн скорее наполнился.

Генри сразу же забрался в него, по воде поплыли травинки с его грязных ног. Схватив шланг, он направил его на нас — взрослые как раз отошли. Он брызгал на нас, не давая подойти. Я помню, что мне до смерти хотелось в воду, намочить ноги. Но только *помоему!* Я не хотела, чтобы меня окатывали сверху. Сначала ноги, потом все остальное, постепенно. Но как только я подходила, Генри брызгался. Вода доходила ему до щиколоток, рябь покрывала белые ступни. Тело тоже было белым, мягким на вид, соски на пухлой груди слегка отвисли вниз. Потом он перестал дразнить меня и дал слово

— нет, поклялся. Он торжественно пообещал, что больше не будет брызгаться и я могу спокойно подойти. Я заставила его опустить шланг и осторожно полезла по ступенькам. Мгновение восторга, когда ноги коснулись холодной воды, а потом Генри схватил меня, зажал голову под мышкой и направил шланг прямо в лицо. Вода заливалась мне в нос, в глаза, обжигающе-холодная, она душила меня. Бет увидела это издали и закричала на него. Я кашляла и редела, пока мама не прибежала узнать, что случилось.

Хорошо бы Бет вышла из дому. Я где-то читала, что пребывание на свежем воздухе — идеальное средство при депрессии. Бодрящая прогулка, единение с природой. Как

будто депрессия — что-то вроде расстройства желудка, и с ней так же просто справиться. Я не уверена, что рецепт сработает в это время года, когда душу выматывает вой ветра, и все же это лучше, чем без конца бродить по дому. На скамейке я нахожу плетеную корзинку и секаторы и отправляюсь к лесу.

Я иду в обход, мимо Росного пруда. Я хожу так почти каждый день. Кажется, меня сюда тянет. Постоять на крутом берегу, сбрасывая ногой гальку и кусочки известняка. Когда я так стою, всплывают какие-то ощущения, намеки на воспоминания. Куда бы я ни пошла в окрестностях Стортон-Мэнора, они возвращаются — как вспышки. От пейзажа, запаха, интерьера. Бантик, завязанный за

спинкой кровати. Желтые цветы, вышитые на наволочке. Каждый шаг будит память. Здесь, у пруда, я должна что-то вспомнить, не просто игры, плавание, не просто страх нарушить запрет. Закрыв глаза, я присаживаюсь на корточки, обхватываю колени. Я стараюсь сосредоточиться на запахе воды и земли, на шуме деревьев над головой. Слышу собачий лай, далеко отсюда, в деревне кажется. Определенно, должно быть *что-то*, что я должна понять. Я тяну вперед руки, пока пальцы не касаются воды. Вода ледяная, холод пробирает до костей. Я представляю, как она становится твердой, как кристаллики льда выпускают вглубь жесткие нити. На миг испытываю давнишний страх, что

меня затянет на дно. Ведь если вода могла появиться со дна, ниоткуда, как по волшебству, значит может засосать и в обратную сторону? В огромную сливную дыру. Так я иногда думала, когда плавала. Сладко замирало сердце — как бывает, если плаваешь в море и вдруг подумаешь об акулах.

У подножия холма, где кончаются деревья, склон обрывается, переходя в круглый овраг. Огромная яма заросла боярышником, терном и бузиной, кусты переплелись и похожи на бороду неряшливого старика. Здесь холод чувствуется сильнее. Я заметила куст остролиста, растущий ровно посередине, яркие ягоды сияют в тусклых зарослях, как драгоценные камни. Но мне не удастся подойти ближе. Я спускаюсь, поскользываясь

на поросших травой буграх, и, добравшись до чащи, вижу, что внутрь не пробраться. Воздух тихий, здесь он заметно холоднее. От моего дыхания поднимается пар, пока я бреду вокруг, пытаюсь найти проход внутрь. Ничего, кроме тропки, поднимающейся вверх по склону. Делаю последнюю попытку пробраться в заросли и ухожу, исцарапанная с ног до головы.

Я двигаюсь в обратный путь, вхожу в лес. В корзинке у меня до сих пор ничего нет, кроме нескольких ростков полосатого плюща из сада. Этот лес не для прогулок, он не истоптан, в нем почти нет тропинок. Пастбищные земли поместья все сданы в аренду или распроданы местным фермерам, и я задумываюсь, заходит ли сюда кто-

то из них — собирать хворост, ловить фазанов, ставить силки на кроликов. Я не вижу следов присутствия людей. Земля засыпана палой листвой, кругом колючие заросли ежевики, бурелом, упавшие стволы гниют и плесневеют. Из-под ног прыскают в разные стороны какие-то мелкие зверюшки, я не успеваю их рассмотреть, только слышу тихое посвистывание. Желуди, буковые орешки; под одним деревом ковер из полусгнивших желтых яблок. Тут нужно внимательно смотреть под ноги, чтобы не споткнуться. И не слышно птичьего пения над головой. Только тихие, похожие на вздох звуки — это в голых ветвях проносится ветер.

Я не смотрю, куда иду, и чуть не

наступаю на сидящего на корточках человека. От неожиданности я вскрикиваю. Молодой мужчина с длинными дредами, в пестрой одежде.

— Извините! Здравствуйте, — выдыхаю я.

Выпрямившись, он оказывается намного выше меня, и я вижу у его ног большой гриб. Желтый, уродливый. Парень его рассматривал, практически касаясь носом.

— Мне кажется, он несъедобный, — добавляю я, улыбнувшись.

Парень поворачивается, смотрит на меня и ничего не отвечает. Он худой и поджарый. Свесив руки вдоль тела, он стоит молча, рассматривает меня, и я чувствую тревожное желание поскорее оказаться от него подальше. То ли инстинкт, то ли что-то странное

в его взгляде подсказывает мне, что с ним не все в порядке. Я отступаю назад и поворачиваю налево. Он делает шаг и преграждает мне путь. Я поворачиваю в другую сторону, но он снова встает передо мной. Сердце у меня колотится. Его молчание пугает меня, от него исходит угроза, впрочем, он не делает попыток подойти ближе. От него пахнет чем-то пряным, терпким. Мне приходит в голову, что он пьян или под кайфом. Я снова поворачиваю влево, он расплывается в широкой улыбке, обнажающей десны.

— Слушай, ты, прочь с дороги, дай пройти! — рывкаю я, нервы у меня на пределе. Но он делает шаг ко мне.

Пытаюсь отступить, но, зацепившись каблуком за плетень

ежевики, неловко падаю на бок. Шипы впиваются в ладони, дыхание от испуга перехватывает. Вокруг кружат листья, их гнилой запах проникает повсюду. Повернув голову, вижу, что длинный наклонился надо мной, закрыв собой небо. Я пытаюсь высвободить ногу из куста, но двигаюсь рывками и только хуже запутываюсь. Хочу закричать, но понимаю, что дом слишком далеко отсюда и Бет меня не услышит. Она и не знает, что я здесь. Никто не знает. Я в панике, меня бьет дрожь, становится трудно дышать. Сильные, тяжелые руки обхватывают меня за запястья.

— Пошел вон! Убери свои руки! Пошел *вон!* — визжу я что есть мочи.

Я слышу другой голос, и меня

отпускают, бесцеремонно роняя обратно на ковер из листьев.

— Гарри не опасен. Он не хотел вас напугать, правда, Гарри? — говорит подошедший незнакомец и хлопает долговязого по плечу.

Я таращусь на них с земли. Гарри трясет головой, и теперь я понимаю, что он огорчен, подавлен, в его лице нет ни намека на злобу или похоть.

— Он пытался вам помочь, поднять, — поясняет подошедший мужчина с едва заметным укором.

Гарри вновь склоняется над своим желтым грибом.

— Он просто... я только... искала зеленые ветки для украшения. Для дома, — поясняю я, все еще в замешательстве. — Я думала... Ладно. В общем, ничего.

Я замолкаю. Незнакомец подает руку, рывком ставит меня на ноги.

— Спасибо, — бормочу я.

На согнутом локте у него висит духовое ружье, ствол тускло поблескивает. Я брыкаюсь, стряхивая с ноги плети ежевики, осматриваю горящие ладони. Они покрыты бусинками крови. Я вытираю руки о джинсы и поднимаю смущенный взгляд на своего спасителя. Оказывается, все это время он пристально и напряженно вглядывается в мое лицо, а потом вдруг радостно улыбается:

— Эрика?

— Откуда вы... Простите, мы знакомы?

— Ты меня не узнаешь? — спрашивает он.

Я присматриваюсь: темная копна длинных волос, перехваченных на затылке, широкая грудь, нос с горбинкой, прямые брови, прямая, решительная линия рта. Черные глаза сияют. А потом что-то в мире сдвигается, черты проявляются, встают на место, в них проглядывает что-то невероятно знакомое, близкое.

— *Динни?* Это ты? — ахаю я.

— Никто не зовет меня Динни уже много лет. Сейчас я для всех Натан.

— Улыбка у него немного неуверенная. В ней удивление, радость, как и у меня, от неожиданной встречи с прошлым, но и настороженность. Он не отрывает глаз от моего лица. Его взгляд, будто прожектор, следит за каждым моим движением.

— Поверить не могу, что это и в самом деле ты! Как... как ты живешь? Как, черт побери, ты здесь оказался? — Я поражена. Мне и в голову не приходило, что Динни тоже повзрослел, что у него своя жизнь, что он мог вернуться в Бэрроу-Стортон. — Ты так изменился!

Щеки у меня горят, как будто меня застукали за чем-то постыдным. Сердце так бьется, что пульсируют даже подушечки пальцев.

— Зато ты выглядишь все так же, Эрика. Я кое-что узнал из газет... Леди Кэлкотт скончалась. Это навело меня на воспоминания о... об этих местах. Мы здесь не бывали с тех пор, как умер мой отец. Но вдруг захотелось навестить...

— Ох ты, господи!.. Вот горе. Я о

твоим отце.

Отца Динни звали Микки. Мы с Бет любили его. У него были широкая белозубая улыбка, большие сильные руки, он всегда подбрасывал нам мелочь или угощал конфетами — выуживал их у нас из-за ушей. Мама с ним разговаривала один или два раза. Решила познакомиться, раз уж мы проводили там время. А маму Динни, Морин, всегда называли Мо. Микки и Мо. Отсюда наше кодовое обозначение: чтобы Мередит не поняла, мы всегда называли это «пойти в гости к Микки-Маусу».

— Это было восемь лет назад. Он быстро умер, даже не успел понять, что случилось. По-моему, это лучшая смерть, — спокойно замечает Динни.

— Да, наверно.

— А что случилось с леди Кэлкотт?

— Я слышу в его голосе легкую горечь. Он не выразил соболезнований по поводу моей потери.

— Инсульт. Ей было девяносто девять. Должно быть, она сильно разочарована.

— В каком смысле?

— В роду Кэлкоттов многие женщины доживали до ста лет. Моей прабабушке было сто два. Мередит была твердо намерена пережить королеву. Крепкая у нас порода... — Я тут же спохватываюсь и жалею, что произнесла эти слова. К чему эти упоминания о породе, крови, родословных!

Повисает напряженная тишина. Мне так много хочется рассказать своему

другу детства, но я не представляю, с чего начать. Динни отводит от меня изучающий взгляд, смотрит вдаль, сквозь деревья, в сторону дома, и на лицо его падает тень.

— Мне очень стыдно, что я накричала. На... Гарри. Он только смотрел на меня, и все, — тихо говорю я.

— Не нужно его бояться, он безобидный, — уверяет меня Динни.

Мы оба смотрим вниз на нескладную фигуру, скрючившуюся над грибом. Динни стоит ко мне так близко, что я могу до него дотронуться. Динни, реальный, и снова здесь, а ведь только что он был почти легендой, каких-то несколько минут назад. Я все еще не могу поверить.

— Он... с ним что-то не так? — спрашиваю я.

— Он тихий, спокойный и не любит разговаривать. Если, по-твоему, это значит, что с ним что-то не так, то да.

— Ой, да я ничего не имела в виду. Ничего плохого, — возражаю я поспешно и слишком громко.

— А что ты искала? Остролист?

— Да, или омелу. Или хорошие ветки плюща, с ягодами. Чтобы дом украсить, — улыбаюсь я.

— Идем, Гарри. Покажем Эрике большой остролист.

Динни поднимает Гарри и мягко подталкивает его вперед по тропинке.

— Спасибо, — повторяю я.

Я все еще не могу отдышаться. Динни оказывается впереди, и я вижу у него за спиной тушки серых белок,

связанных за хвосты веревкой. Их черные помутневшие глазки полуприкрыты. На боках темные пятна слипшегося меха.

— Зачем тебе белки? — интересуюсь я.

— Ужин, — невозмутимо объясняет Динни. Он оглядывается, видит ужас на моем лице и криво ухмыляется: — Что, в меню лондонских ресторанов белки еще не включены?

— Почему? В каких-то, наверное, уже есть. Но не в тех, куда я хожу. А как ты узнал, что я живу в Лондоне?

Динни снова оборачивается, окидывает взглядом мои модные сапоги, темные джинсы, мягкую, свободную шерстяную куртку. Челку с острыми краями.

— Просто угадал, — бурчит он.

— Тебе не нравится Лондон?

— Да я там и был-то всего один раз, — бросает Динни через плечо. — Но в общем, не нравится. Я не люблю города. Мне нравится, чтобы до горизонта было больше десятка метров.

— Ну и я люблю, когда есть на что посмотреть, — отвечаю я.

Динни не улыбается, но притормаживает и идет со мной рядом. Молчит, хотя вполне приветливо. Я пытаюсь придумать, как бы прервать паузу. Динни не намного выше меня, примерно такого же роста, как Бет. Мне видно, что его волосы перевязаны темно-красным, сильно потертым кожаным шнурком, затянутым в тугий узел. Потертые джинсы испачканы. На нем футболка

и мешковатый хлопчатобумажный джемпер. Глядя на его голую шею, я поеживаюсь, хотя сама укутана в сто одежек, а он, кажется, и не замечает ледяного ветра. Мы идем вверх по пологому склону, я шумно топаю. Шаги Динни не слышны, он и не спотыкается, как будто у него под ногами нет ни сучьев, ни корней.

— Вон там, — показывает Динни.

Я смотрю вперед и вижу остролист, темное дерево, старое и искривленное. Гарри, подняв упавшую веточку, колет шипом подушечку пальца, морщится и трясет рукой, после чего проделывает все сначала.

Я срезаю самые красивые ветки, те, у которых листья самые колючие и побольше красных ягод. Одна ветка

вырывается, хлещет по лицу. Под глазом у меня царапина, больно. Динни снова пристально смотрит на меня с непроницаемым выражением.

— Как твоя мама? Она здесь с вами?
— задаю я вопрос.

Мне хочется разговорить его, услышать, что он делал все это время, пока мы не виделись. Я хочу, чтобы он снова стал реальным, чтобы мы оставались друзьями. Но теперь я вспоминаю это — его приступы молчания. Раньше я никогда не испытывала из-за этого неловкости. Детей не тревожит такая безобидная вещь, как молчание, они относятся к этому на удивление терпеливо и спокойно.

— С ней все нормально, спасибо. Но она больше с нами не путешествует.

Перестала, когда отец умер, — сказала, что слишком стара для этого. Но я думаю, ей просто надоели дороги. Отцу она никогда бы не призналась, конечно. Но как только он умер, мама это дело прекратила. У нее, кстати, новый муж, водопроводчик, зовут Кейт. Они живут в Вест-Хэтче, отсюда рукой подать.

— О, здорово. Кланяйся ей от меня, когда увидишь.

В ответ он слегка хмурится, и я гадаю, не ляпнула ли что-то не то. У Динни лицо из тех, которые мгновенно мрачнеют, становятся хмурыми и воинственными. В двенадцать лет это придавало ему серьезный и значительный вид. Я рядом с ним чувствовала себя глупой

как пробка, и сейчас это чувство возвращается.

С полной корзинкой остролиста мы возвращаемся лесом к поляне, где раньше всегда останавливалось его семейство. Широкая прогалина на западной опушке окружена с трех сторон тенистыми деревьями, на запад открывается вид на поля и изрезанную колеями зеленую проселочную дорогу, выходящую на шоссе. Земля здесь пропиталась водой и хлюпает под ногами, пока мы идем. А летом тут бывает очень зелено — высокие травы с шелковыми стеблями, почва растрескавшаяся и твердая. Гарри маячит далеко впереди, его внимание перескакивает с одного объекта на другой.

— А ты? Поселишься теперь здесь?

— Динни наконец нарушает молчание.

— Ой, нет. Не знаю. Наверное, нет. Я здесь временно, но уж, как минимум, до Рождества. Мы унаследовали дом, Бет и я...

Просто жуть, как напыщенно это прозвучало.

— Бет здесь? — перебивает Динни, поворачиваясь ко мне.

— Да, но... Да, она здесь... — Я собиралась сказать «но она изменилась, она почти не выходит из дома». — Ты должен к нам заглянуть, повидаться с ней.

Но я понимаю, что он не придет.

На стоянке лагеря шесть автомобилей, больше, чем бывало раньше. Два мини-автобуса, два жилых автофургона с прицепами,

старый разбитый грузовик и переоборудованный походный госпиталь. Динни поясняет, что это его машина. Из труб вьется дымок, на земле круги золы — остывшие кострища. Гарри устремляется вперед. Усевшись на пень, он подбирает что-то с земли и внимательно изучает. Когда мы подходим поближе, навстречу бросаются три собаки, они лают, изображая ярость. Мне такой прием известен. Я останавливаюсь, опускаю руки по швам и жду, пока псы подбегут, обнюхают меня, поймут, что я не собираюсь бежать.

— Твои?

— Только две, а черная и желтая — моего двоюродного брата Патрика. Это Клякса, — Динни треплет за ухо

грязную черную дворнягу, зубастую и робкую, — а вот Шпинат.

Вторая собачка мельче, изящнее, с грубой бурой шерстью и добрыми глазами. Шпинат лижет пальцы Динни.

— Так ты... мм... работаешь здесь в округе? Чем занимаешься? — Это звучит как разговор на светской вечеринке.

Динни пожимает плечами. На миг мне становится не по себе от мысли, что он, вероятно, живет на бесконечные пособия, а может, ворует или торгует наркотиками. Но это мысли Мередит, и мне стыдно пускать их в голову.

— Сейчас, в общем-то, ничем. Мы большей частью ездим по стране, работаем. На фермах, в

автомастерских, на праздниках. Сейчас повсюду затишье — мертвый сезон.

— Трудно, наверное.

Динни бросает на меня косой взгляд.

— У меня все отлично, Эрика, — спокойно говорит он. Меня он не спрашивает, чем я занимаюсь. Кажется, за время нашей короткой прогулки я растеряла весь кредит доверия, на который могла рассчитывать в силу детского знакомства.

— Симпатичная у тебя машина, — делаю я отчаянную попытку вернуть его расположение.

Не успеваю я закончить, как дверь походного госпиталя распахивается, и из нее осторожно вылезает девушка.

Положив руки на поясницу, она потягивается, болезненно поморщившись. Я мгновенно узнаю ее — беременная девушка с кургана. Но сейчас я вижу, что ей лет пятнадцать-шестнадцать, не больше. Динни — ровесник Бет, ему тридцать пять. Я снова смотрю на девушку, пытаюсь убедить себя, что ей восемнадцать или даже девятнадцать, но не могу.

Девочка с кудряшками, яркая натуральная блондинка, таких в наше время редко встретишь. Кожа у нее бледная, под глазами синие круги. На ней трикотажная кофта в обтяжку, и сейчас я вижу, что она буквально на сносях. Увидев нас с Динни, она, насупившись, идет к нам. Я пытаюсь улыбаться, выглядеть естественно.

Вид у девушки злее, чем у Кляксы.

— Это кто? — спрашивает девчонка, уперев руки в бедра. Обращается она к Динни, не ко мне.

— Эрика, это Хани. Хани, это Эрика.

— Хани? Очень приятно познакомиться. Простите, если испугала вас на днях, на кургане. — Я говорю с ней ненатурально, с деланным оживлением, и с ужасом понимаю, что точно таким же тоном я говорю со своими учениками.

Хани таращит на меня невыразительные, скучные глаза.

— Это вы были? Вы меня не испугали. — У нее заметный картавый уилтширский выговор.

— Ну, я не так выразилась. Не испугала, но... — Я развожу руками.

Она смотрит на меня, долго не отводит взгляда. Необычно пристальное внимание от такой юной особы. Я чувствую облегчение, когда она наконец поворачивается к Динни.

— Печка не тянет, — говорит она.

Динни вздыхает, наклоняется и запускает пальцы в шерсть Шпината. С неба падают первые капли дождя.

— Приду посмотрю через минутку, — ласково отвечает он.

Хани глядит на него, потом разворачивается и скрывается внутри. Я растерянно провожаю ее взглядом.

— А... когда ждете события? Похоже, уже недолго осталось? — интересуюсь я, понижая голос, чтобы в машине не было слышно.

— Сразу после Рождества, — отвечает Динни, отворачиваясь и

глядя в сторону просеки.

— Так скоро! Переживаете, наверное. Она уже подготовила вещи? Для больницы?

Динни отрицательно мотает головой:

— Никакой больницы. Она говорит, что хочет прямо тут рожать. — Динни замолкает, поднимается и поворачивается ко мне: — Не знаю, правда, хорошая ли это идея. Ты что-нибудь знаешь про новорожденных?

В его голосе слышна тревога.

— Я? Нет, почти ничего... У меня никогда... Но сейчас многие хорошо отзываются о домашних родах. В общем-то, каждая женщина имеет право выбора. У вас есть хорошая акушерка?

— Никакой акушерки нет, и это не

домашние роды, она собралась рожать прямо здесь, в лесу.

— В *лесу*? Да ведь... декабрь на дворе! Она сошла с ума?

— Я знаю, что сейчас декабрь, Эрика. Но она имеет право выбирать... сама сказала... — Его голос звучит ровно, но решительно. — Она забрала себе в голову, что роды должны быть максимально приближены к природе.

— Ну, знаешь, ты тоже имеешь право выбирать. У отца тоже есть такое право. Первые роды могут быть затяжными, ты же понимаешь. Бет рожала Эдди тридцать шесть часов...

— У Бет есть малыш?

— Был малышом. Сейчас ему одиннадцать. Он приедет на Рождество, так что вы обязательно

познакомитесь... Эдди — чудесный парень.

— Так она замужем?

— Была. Сейчас нет, — лаконично отвечаю я. У него нашлись вопросы о Бет и ни одного обо мне.

Дождь снова усиливается. Я горблюсь, глубже засовываю руки в карманы, но Динни, кажется, ничего не замечает. Думаю, не предложить ли поговорить с Хани, но вспоминаю ее злые глаза. Надеюсь, что Динни не попросит меня об этом. Впрочем, возможен компромисс.

— Знаешь, если Хани захочет обсудить это с кем-нибудь, она могла бы поговорить с Бет. То, что она пережила, может послужить хорошим уроком и предостережением.

— Она ни с кем не станет это обсуждать. Она... сильная, — вздыхает Динни.

— Да уж, я заметила, — бормочу я под нос.

Молчание невыносимо. Я хочу расспросить Динни о Рождестве. Об именах для младенца. Я бы засыпала его расспросами о путешествиях, о его жизни и о нашем прошлом.

— Что ж, мне, наверное, пора. Пока не промокла насквозь... — Вот и все, что я могу выжать. — Я в самом деле очень рада была снова тебя повстречать, Динни. Хорошо, что ты вернулся. И было приятно познакомиться с Хани. Я... в общем, если надумаете зайти или что-то понадобится...

— Я тоже рад был тебя повидать,

Эрика. — Динни смотрит на меня, склонив голову набок, но глаза у него не радостные, а тревожные.

— Ну, ладно, счастливо, — бросаю я небрежно, насколько мне это удастся.

Я не рассказываю Бет о Динни, когда нахожу ее в кабинете, где она смотрит телевизор. Сама не знаю почему. Неизвестно, как она отреагирует, думаю я. Я внезапно чувствую возбуждение. Мне кажется, что я больше не одна. Даже отсюда я ощущаю присутствие Динни там, за деревьями. Как будто вдалеке что-то маячит и я вижу это краем глаза. Третий угол нашего треугольника. Я выключаю телевизор, откидываю шторы.

— Собирайся. Мы идем гулять, —

объявляю я.

— Я не хочу выходить. Куда мы пойдём?

— В магазин. Мне осточертел консервированный суп, к тому же Рождество на носу. Мама с папой приедут к обеду, а чем ты будешь угощать Эдди в праздник? Высохшими крекерами Мередит?

Бет минуту обдумывает мои слова, потом быстро встает:

— Господи, ты права. Ты права!

— Я знаю.

— Нам нужно кучу всего... индейка, сосиски, картошка, пудинги... — Она загибает длинные пальцы.

До Рождества, конечно, еще десять дней, у нас полно времени, но я не произношу этого вслух. Пользуясь

внезапным оживлением сестры, показываю на двери.

— И украшения! — вскрикивает она.

— Идем. Ты можешь составить список в машине.

Едем в Девайзес. Городок прихорашивается к Рождеству. Наряженные елочки выставлены в витринах магазинов и у дверей гостиниц вдоль всей Хай-стрит, освещенной гирляндами белых огней. Вот играет духовой оркестрик, вот продавец жареных каштанов — завитки едкого дыма вьются над его тележкой. Мне интересно, чем он занят в остальное время года. Становится темно, дождь со снегом кружит, мы замерзаем, как и

прохожие вокруг, закутываемся в шарфы и забегаем в каждый магазин поглазеть, наслаждаясь теплым желтым светом. Мы снова вместе с миром, мы обе, после уединения усадьбы. Нам хорошо, радостно, и я понимаю, что соскучилась по Лондону. В каждой лавчонке звучат рождественские песенки, Бет мурлычет, подпевая. Выходя на улицу, я беру ее под руку и крепко прижимаюсь.

Проходит несколько часов, Бет возбуждена предрождественской суетой. Мы уже купили восемь сортов сыра, громадный окорок, свиные сардельки, свежие крекеры, индейку, которую я с трудом дотаскиваю до машины, и торт, и все это по смехотворным ценам. Сложив

покупки в багажник, возвращаемся за блестящими елочными шарами, бусами, золотой краской, стеклянными сосульками, мишурой и ангелами из соломки, одетыми в белые кисейные платица. В двух минутах езды от усадьбы есть ферма, где продают елки, мы заезжаем туда на обратном пути и заказываем четырехметровое дерево. Его доставят и установят двадцать третьего декабря.

— Поставим его в холле, и можно закрепить за перила, — решительно распоряжается Бет.

Может, не нужно было позволять ей платить, когда она в таком состоянии. Я даже не решаюсь собрать все чеки, чтобы подсчитать общую сумму. Но у Бет есть деньги — от Максвелла и за

переводы. Определенно, денег у нее больше, чем у меня, хотя мы никогда об этом не говорим. Большую часть времени она живет на гроши. Откладывает деньги на случай, если что-то понадобится Эдди. Все мои доходы поглощает Лондон — транспорт, квартира, жизнь. Сейчас мы набрали еды на десятерых, хотя нас будет пять человек, зато Бет счастлива, лицо у нее сияет. Магазиноterapia. Нет, это не о ней, ей всегда нравилось отдавать. Предоставляю ей развешивать гирлянды вокруг камина — она сосредоточена, слегка хмурится, — а сама, сонная и довольная, иду ставить чайник.

На мобильнике сообщение из моего агентства: двенадцатого января мне

нужно быть на работе, в школе Илинг, чтобы подать заявку на продукты. Палец уже тянется к кнопке, чтобы перезвонить, но что-то во мне сопротивляется, не давая нажать на нее, вернуться к реальной жизни. Однако, как ни крути, деньги надо зарабатывать. «Заталкивать» литературу в глухие, ни к чему не чуткие уши. Если только не забить на все. Если не поселиться здесь. И не платить за съемную квартиру. Хотя содержание дома, скорее всего, будет обходиться дороже любого съемного жилья. Но, может, лет пять можно продержаться? Или даже десять? Попробовать пожить здесь, пока хватит наследства. А потом можно и продать дом с торгов, лет в сорок уйти на пенсию. Но что, если

придется жить здесь с больной Бет? Что, если я так и не избавлюсь от чувства, будто кто-то крадется у меня за спиной? Хочется резко обернуться и увидеть, кто это, застичь его врасплох. Я помню все, что произошло тем летом, все-все, кроме того, что случилось с Генри.

Мы приезжали сюда через два лета после того года, и мама внимательно за нами наблюдала. Не затем, чтобы нас защитить, уберечь, а чтобы увидеть нашу реакцию, посмотреть, как мы себя поведем. Не знаю, естественно ли я держалась. Может, немного тише, чем обычно. И еще, мы все время оставались в саду, никакие приключения нас больше не влекли. Мама держала нас подальше от Мередит, от которой тогда всего

можно было ожидать, она то и дело раздражалась проклятиями и обвинениями. Но Бет все больше и больше погружалась в себя. Мама это заметила, сказала отцу, и он нахмурился. И больше мы сюда не приезжали.

За окном заходит солнце, окрашивая горизонт оранжевыми и холодными розовыми тонами. Я брызгаю золотой краской на остролист, позолота блестит на темных листьях. Красота, да и только. От паров краски у меня кружится голова, я чувствую эйфорию. Я подвешиваю ветки к потолочным балкам и раскладываю по подоконникам, когда сверху спускается Бет, со скрещенными руками и совершенно сонным лицом. Она бродит по комнате, разглядывает

ветки, которые я разложила, трогает их, легко касается краски кончиками пальцев.

— Нравится? — с улыбкой спрашиваю я.

Я настроила радио на «Классику FM». Там поют рождественскую балладу про доброго короля Венцеслава. Бет кивает, зевая. Я дурачусь, пою: «Старый дурень оступился и в костер свалился». Голос у меня отнюдь не для пения на публику.

— Ты развеселилась, — замечает Бет. Подойдя к подоконнику, который я украшаю, она заботливо заправляет мне за ухо прядь волос, касается царапины под глазом. Она так редко до меня дотрагивается. Я улыбаюсь.

— А знаешь... — начинаю я. Но

слова застревают. Так и подмывает произнести их, но я все еще не могу понять, правильно это будет или нет.

— Ну, что же?

— Знаешь, Динни здесь, — решаюсь я.

---

⁶ *Чатсуорт-хаус* — резиденция герцогов Девонширских, один из самых пышных английских домов-сокровищниц.

ЛЮБОВЬ

1902 год

Путешествие из Нью-Йорка до Территории⁷ Оклахома оказалось долгим: без малого две тысячи миль. Штат за штатом разворачивались за окном поезда, продвигавшегося все дальше на запад. Сначала Кэролайн не могла отвести глаз от пейзажа за окном. Остались позади знакомые города штата Нью-Йорк, после этого поселения встречались все реже. На их пути вставали леса, такие дремучие и мрачные, что, казалось, они перенеслись сюда из каких-то древних времен, и поезд терялся в этих дебрях на долгие, бесконечные мили. Они ехали мимо пшеничных и

кукурузных полей, таких необъятных, что это вызывало изумление, мимо небольших городков и поселков, будто сдавленных окружающими их бескрайними просторами. На одной станции грубые дома были построены совсем рядом с путями, там же играли дети, бежали сбоку от поезда, махали руками, выпрашивали монетки. Кэролайн вздрогнула, заметив их босые ноги. Она махала им, пока поезд набирал скорость и вновь вырывался на просторы, и оглядывалась назад, пока их хижины не исчезли из виду, а по обеим сторонам поезда опять не потянулись равнины. Она и в самом деле дикая, думала девушка, эта западная земля. Люди ее покорили, но еще не придали ей цивилизованный вид, такой, как у

Нью-Йорка. Кэролайн откинулась на спинку сиденья и любовалась дальними лиловыми холмами. Ей становилось тревожно при мысли о том, что поезд, казавшийся таким мощным, на деле не более чем песчинка, букашка, карабкающаяся по безграничной поверхности земного шара.

В Додж-Сити, штат Канзас, Кэролайн сделала пересадку в третий, и последний раз, она устала, ей хотелось переодеться. В пустом желудке жгло, поскольку припасы, приготовленные Сарой, кончились больше суток назад. Сара не представляла себе, что поездка продлится так долго, упаковала полдюжины крутых яиц, яблоко и пирог со свининой, и этого, конечно,

не хватило. Присоединившись к соседям по вагону, Кэролайн пообедала в «Эль Вакеро», гостинице рядом с железной дорогой в Додж-Сити. Это было новенькое здание из кирпича, и Кэролайн увидела в нем свидетельство богатства и стабильности этого совсем недавно освоенного края. Она потихоньку осматривалась, любопытство в ней побеждало застенчивость.

Недостроенная улица была забита людьми, пони, экипажами и крытыми повозками. Слышался приглушенный гул, совсем не похожий на уличный шум в Нью-Йорке. У коновязей вдоль улицы рядами стояли оседланные лошади. Крепкий зловонный дух навоза от близлежащих загонов для скота плыл над городом, смешиваясь

с запахами пищи и разгоряченных тел людей и животных. Желудок Кэролайн растерялся и то урчал от голода, то сжимался от отвращения. По улицам неторопливо расхаживали мужчины с револьверами в свисающих до бедер кобурах, в рубашках с расстегнутым воротом. Кэролайн изумленно провожала их взглядом, словно они вышли прямо из легенды. Сердце у нее часто билось, нервы были напряжены, в горле пересохло. В какой-то миг ей стало до того не по себе, что даже захотелось, чтобы Батильда оказалась рядом, захотелось укрыться за несокрушимой стеной ее респектабельности. Устыдившись этих мыслей, девушка распрямила плечи и погрузилась в чтение меню.

Ресторан был полон, но худенькая официантка в аккуратной форме оказалась проворной. Вскоре она подала бульон с вермишелью, яйца пашот и кофе.

— Далеко ли вы направляетесь, мисс? — обратился к Кэролайн мужчина. Он сидел за столом через два места от нее и сейчас с улыбкой наклонился в ее сторону, так что она залилась краской, смущенная его небрежным тоном. Мужчина был небрит, обшлага его пальто лоснились.

— В Вудворд, — прошептала она, не зная, должна ли она прежде представиться и следует ли вообще вступать с ним в разговор.

— Вудворд? Так вы, по-моему, уже почти добрались, если учесть, сколько

уже проехали. Из Нью-Йорка, позволю себе предположить по вашему выговору? — Он опять улыбнулся, шире прежнего.

Кэролайн торопливо кивнула и сосредоточилась на еде.

— Едете навестить родных? В Вудворде, я имею в виду?

— Я еду к мужу, — ответила Кэролайн.

— К мужу, вот так-так! Но это же вопиющее безобразие, доложу я вам! А все же повезло нам, что открылось это заведение, верно? Раньше-то Фред Харви кормил тут народ в вагончике на сваях! Видали вы что-нибудь подобное там, на востоке? — громыхал он, а Кэролайн пыталась выдавить вежливую улыбку.

— Оставь девушку в покое, Дун. Не

видишь разве, что она хочет спокойно пообедать? — Это подал голос другой человек, сидящий рядом с первым. Вид у него был раздраженный, вокруг глаз залегли глубокие морщины. Буйные волосы он зачесал на одну сторону, и они остались лежать так, закрепленные фиксауаром или каким-то другим составом.

Кэролайн едва осмеливалась поднять на него глаза. Щеки у нее пылали.

— Извините, миссис, — буркнул первый собеседник.

Кэролайн с непристойной торопливостью проглотила свой обед и поспешила назад к поезду. Она прятала руки в муфте из лисьего меха, не обращая внимания на теплую

погоду.

После Додж-Сити потянулись равнины. Миля за милей тянулась за окном поезда, свернувшего на юг, в направлении Санта-Фе, безлика, ровная прерия. Кэролайн съежилась на сиденье, мечтая вытянуть и размять ноги. Поскольку в купе больше никого не было, девушка, слишком измученная, чтобы сидеть прямо, как подобает леди, решила прислониться лбом к стеклу и глядела в бесконечное небо цвета яичной скорлупы. Никогда еще она не видела такого широкого, такого далекого и ровного горизонта. Постепенно от созерцания этого простора у Кэролайн пошла кругом голова. Она ожидала увидеть заснеженные горные вершины, изумрудные поля,

быстрые реки. Но эта земля томилась от зноя и усталости в точности как она сама. Отвернувшись от окна, девушка вынула из саквояжа томик «Виргинца» и погрузилась в чтение, представляя, что и она, подобно Молли Вуд⁸, бесстрашно порвала узы прошлого и теперь, полная отваги, несется к новой жизни в неизведанные края. Впрочем, очень скоро Кэролайн перестала воображать себя Молли Вуд, и ей снова стало страшно. Поэтому она стала думать о муже, ожидающем ее в Вудворде, и эти мысли — хотя из-за них поезд, казалось, замедлил бег, продлевая нескончаемое путешествие, — наконец ее успокоили.

Поезд прибыл в Вудворд с опозданием, когда солнце уже начало

расплываться и казалось рыжим сквозь пыльное оконное стекло. Кэролайн дремала, когда в ее купе постучал кондуктор:

— Вудворд! Следующая станция Вудворд!

Резкий крик разбудил Кэролайн, сердце застучало. Она собрала вещи и так поспешно вскочила, что закружилась голова. Ей пришлось снова сесть, отдышаться. *Корин* — только о нем она могла думать. Наконец они снова увидятся, после стольких дней! Пока поезд с визгом тормозил, девушка напряженно смотрела в окно, пытаясь рассмотреть мужа. Заметив свое отражение в стекле, она поспешно пригладила волосы, покусала губы, чтобы казались красными, пощипала

побледневшие щеки, возвращая им румянец. Она пыталась взять себя в руки, но никак не могла успокоиться и унять дрожь.

Кэролайн неловко соскочила на перрон. Юбки липли к ногам, ноги, распаренные в башмаках, опухли. Она вертела головой в разные стороны, обшаривая взглядом деревянную платформу, но ей никак не удавалось разглядеть Корина между встречающими и выходящими из вагонов людьми. Поезд, испустив протяжный стон, отполз на запасной путь, туда, где на фоне неба громоздилась водонапорная башня. Теплый ветер приветствовал девушку, что-то тихо напевая ей на ухо, а песок на платформе скрипел под ногами. Кэролайн осмотрелась, внезапно

ощутила себя опустошенной и такой легкой, что следующий порыв ветра, кажется, мог подхватить ее и унести. Она нервно поправила шляпу, но сохраняла на лице улыбку. Вудворд показался ей маленьким и сонным. От железнодорожных путей к городу вела улица, широкая, еще не застроенная. Ветер неся по ней, поднимая песок. До Кэролайн донеслись запах смоляного вара от разогретого солнцем станционного здания и всепроникающее зловоние коровника. Она опустила глаза и носком башмака начертила линию на песке.

Локомотив уехал, и вокруг воцарилась тишина, нарушаемая только грохотом проезжающей коляски да скрипом тележки,

закряхтевшей, когда носильщик перекладывал на нее багаж Кэролайн. Где же Корин? Сомнения и страхи клокотали в душе девушки: Корин пожалел о своем выборе и разочаровался в ней, он бросил ее — и теперь придется возвращаться в Нью-Йорк. Она повернулась кругом, отчаявшись увидеть мужа. Носильщик пытался поймать ее взгляд, чтобы спросить, куда доставить багаж, но, поскольку Корина не было, Кэролайн не знала, что сказать. Она не представляла, куда идти, где жить, что делать. Кровь отхлынула от ее лица, закружилась голова, мысли спутались. На один ужасный миг ей показалось, что она вот-вот упадет в обморок или, хуже того,

расплатится... или и то и другое вместе. Девушка судорожно вздохнула, отчаянно пытаясь обдумать, что ей делать и что сказать носильщику, чтобы не выдать своего смятения.

— Миссис Мэсси?

В первый момент Кэролайн не сообразила, что окликают ее, не узнала своего имени, произнесенного лениво, врасстяжку. Она не смотрела на человека, державшего шляпу в руках, который шел к ней, неуклюже сутулясь. На вид ему было около тридцати, но солнце и ветер состарили его лицо и выбелили некогда синюю фланелевую рубаху. Рыжие и каштановые пряди мешались в его нечесаной шевелюре.

— Миссис Мэсси? — спросил он

снова, приближаясь.

— О! Да, это я, — воскликнула она в тревоге.

— Очень приятно познакомиться, миссис Мэсси. Я Дерек Хатчинсон, но здесь все зовут меня Хатч, и я буду рад, если вы тоже будете так меня называть, — представился он, сунул шляпу под мышку и протянул руку, которой Кэролайн робко коснулась самыми кончиками пальцев.

— Где мистер Мэсси? — спросила она.

— Корин должен был прибыть вовремя и встретить вас, мэм, и я знаю, что он просто мечтал об этом, но случилась закавыка, кто-то начал скот воровать, и ему пришлось срочно отправиться туда, посмотреть, что да как... Он наверняка будет уже

дома к тому времени, как мы доберемся, я уверен, — прибавил Хатч, заметив, как вытянулось лицо Кэролайн. На глазах у нее выступили слезы, так что все расплылось, и она сильно прикусила нижнюю губу, чтобы сдержаться.

Хатч медлил в растерянности, не зная, как себя вести.

— Понятно, — выдохнула Кэролайн, пошатнувшись. Ей ужасно хотелось где-нибудь сесть. Корин не приехал ее встретить. Охваченная внезапным ужасом, она искала причины, по которым он может избегать ее.

Хатч тихо откашлялся и нерешительно повозил по песку ногой:

— Я... хм... Я доподлинно знаю,

Корин хотел сам вас встретить, миссис Мэсси. Но если объявляются воры, землевладельцы обязаны помогать друг другу, ничего не попишешь. Он поручил мне, и вот я тут, к вашим услугам.

— Он исполнял свой долг? — переспросила Кэролайн с сомнением.

— Конечно. Он просто был обязан.

— А вы его... слуга? — спросила она.

Хатч усмехнулся, поскреб подбородок:

— Да не совсем, миссис Мэсси. Не совсем так. Я старший ковбой на ранчо.

— А... понятно, — произнесла Кэролайн, хотя ничего не поняла. — Что ж... Мы успеем вернуться к ужину, как вы полагаете? —

обратилась она к Хатчу, пытаясь сохранять достоинство.

— К ужину, мэм? К завтрашнему, вы хотите сказать?

— Завтрашнему?

— До ранчо почти тридцать пять миль отсюда из Вудворда. Так-то это, конечно, недалеко, но все же далековато, чтобы пускаться в путь на ночь глядя, мне кажется. Здесь в пансионе вас ожидают комната и знатный ужин. Вам нужно как следует подкрепиться, осмелюсь заметить. — И он оценивающе окинул взглядом ее хрупкую фигурку и бледное лицо.

— Тридцать пять миль? Но... сколько же займет поездка?

— Если тронемся завтра рано утром, то уж наверное доберемся до места к

полудню на второй день... Я не подумал, что вы привезете с собой столько чемоданов и саквояжей, с ними фургон, пожалуй, будет двигаться медленнее. Но лошади свежие и, если погода не испортится, домчат в один миг.

Хатч улыбнулся, и Кэролайн, собравшись, нашла силы улыбнуться в ответ, хотя так устала, что сама мысль о новом путешествии была непосильной. Хатч шагнул вперед, протягивая руку:

— Ну, вот и славно. А сейчас идемте, устроим вас на отдых. А то, сдается мне, вы не на шутку устали, миссис Мэсси.

В центральной гостинице на Мэйн-стрит заправляла пухленькая дама с кислым лицом, представившаяся

миссис Джессоп. Она показала Кэролайн ее комнату, небольшую, но чистую. Хатч тем временем следил за перегрузкой багажа с вокзальной тележки в крытый фургон, которому предстояло доставить их на ранчо. Миссис Джессоп скривилась, услышав просьбу приготовить горячую ванну, и Кэролайн поспешно извлекла из кошелька деньги.

— Ну, хорошо. Я постучу к вам, когда все будет готово, — бросила хозяйка гостиницы, неприветливо глядя на девушку.

Щеколда на двери ванной едва держалась, а в дощатой двери была дыра на месте вылетевшего сучка, в которую любой мог заглянуть из холла. Кэролайн, пока мылась, не

сводила глаз с двери, с ужасом ожидая, что увидит тень от глаза, прислонившегося к отверстию. Воды в ванне было немного, но все же она смыла усталость. Кровь побежала живее к онемевшим мышцам, к ноющей спине, и девушка наконец расслабилась, задышала ровнее. Комната пропахла сырими полотенцами и дешевым мылом. Сквозь ставни пробивались последние лучи теплого вечернего света, с улицы доносились голоса, слышалась речь, медленная и мелодичная, с непривычным выговором. Потом громкий мужской голос раздался прямо у нее под окном:

— Ах ты, *чертов сукин сын!* Какого дьявола ты здесь делаешь? — От таких непристойностей у Кэролайн

участился пульс, и она резко села, ожидая, что вот-вот снова услышит ругань и проклятия или шум драки, а то и выстрелов. Но услышала совсем другое: взрыв добродушного хохота и звук дружеского похлопывания по плечам. Погрузившись в остывающую воду, она постаралась снова обрести самообладание.

Вытершись грубым полотенцем, Кэролайн надела к ужину чистое белое платье, решив обойтись без украшений, чтобы не смущать своего сопровождающего и не выделяться на фоне других. Без помощи Сары ей не удалось сделать талию настолько же тонкой и так же безупречно уложить волосы. И все же, спускаясь к ужину, она чувствовала себя почти уверенно. Поискав глазами Дерек Хатчинсона

и не обнаружив его, Кэролайн спросила о нем у миссис Джессоп.

— Сегодня вы его уже не увидите, — отвечала женщина, и на лице ее мелькнула усмешка. — Я видела, как он направлялся в «Каплю росы».

— Куда направлялся, простите?

— В салун «Капля росы», за Миликен-Бридж, возле депо. Так что, чем бы он ни решил подкрепиться нынче вечером, это будет происходить там, а не здесь... — Хозяйка хмыкнула. — Он выбирается на прогулку раз в несколько месяцев, как же мужчине не оголодать.

Увидев по растерянному лицу Кэролайн, что та ничего не поняла, миссис Джессоп добавила:

— Проходите и садитесь, миссис

Мэсси. Я сейчас велю Доре подавать вам ужин.

Кэролайн так и сделала и поужинала одна, у стойки. Компанию ей никто не составил, кроме любознательной девушки Доры, которая, подавая блюда, засыпала ее вопросами о Востоке. В другом конце комнаты два потрепанных джентльмена с озабоченными лицами долго и подробно обсуждали цены на зерно.

Наутро погода была ясной, на чистом небе ни единого облачка, а в воздухе стоял непривычный для Кэролайн аромат влажной земли и свежих ростков полыни в прерии вокруг Вудворда. Это так отличалось от запаха кирпича, дыма и людей в Нью-Йорке. Когда начался последний этап путешествия, солнце палило в

полную силу. Хатч помог Кэролайн забраться в фургон. Девушка заметила, что у него в кобуре на поясе висит теперь шестизарядный револьвер, и в желудке у нее что-то екнуло. Она надвинула шляпку на лоб, чтобы прикрыть глаза от яркого света, но все же исподтишка поглядывала кругом. Кэролайн казалось, что в Нью-Йорке никогда не бывает такого яркого солнца, и Хатч согласился, когда она поделилась с ним своим наблюдением.

— Думаю, так и есть, мэм. Сам я никогда не заезжал так далеко на восток, но думаю, что в любом месте, где так много домов, где столько народу живет и умирает, воздух в конце концов совсем замутится, да и реки тоже.

Свежий ветер поднимал песок под колесами и крутил вокруг, так что Кэролайн приходилось отмахиваться обеими руками. Скоро песок набился и в складки ее юбки. Хатч наблюдал за ней без улыбки.

— Когда выберемся из города, миссис Мэсси, песку станет меньше, — пообещал он.

Чтобы выехать из Вудворда, много времени не потребовалось. Они проехали по Мэйн-стрит, вдоль которой тянулись деревянные постройки и одно или два более капитальных строения. Здесь было несколько салунов, банков, почта, большой магазин, в котором торговали самыми разными товарами, и театр. На улице было много фургонов и лошадей, а по тротуарам

спешили по своим делам множество людей, по большей части мужчин. Когда городок остался позади, Кэролайн оглянулась. Издали было видно, что фасады многих высоких зданий — фальшивка, а за ними спрятались одноэтажные домики.

— Что же, это все, что есть в Вудворде? — скептически спросила Кэролайн.

— Да, мэм. На сегодняшний день примерно две тысячи душ считают его домом, но он постоянно растет. С тех пор как южнее были открыты для проживания земли шайеннов и арапахо, люди все едут сюда, обосновываются, обустроивают хозяйство. Кому-то кажется достойным сожаления, что открытые земли разгораживают и распахивают.

Что до меня, я называю это прогрессом, хоть и рад, замечу, что вокруг пока еще достаточно простора, чтобы пасти коров.

— Арапахо? Что это означает?

— Это индейцы. Они из более северных краев, но сюда их, как и многих других, переселило правительство... А вот эта земля справа, которую мы сейчас проезжаем, еще недавно принадлежала индейцам чероки, хотя сами они жили дальше на восток. Они издавна сдавали ее фермерам и скотоводам и только потом уж освободили, в девяносто третьем...

— Но разве это не опасно? Цивилизованным людям жить рядом с индейцами? — Кэролайн была потрясена.

Хатч смерил ее долгим взглядом, потом повел плечом:

— Они продали свои земли и перебрались на восток. Думается мне, им не очень хочется жить бок о бок с белыми соседями, точно так же, как некоторым белым — соседствовать с индейцами.

— Слава богу, — вздохнула Кэролайн, — я бы ни за что не смогла уснуть ночью, зная, что за окном бродят эти твари!

Она даже засмеялась, тоненько и нервно, и не заметила внимательного взгляда, который Хатч устремил в прерию. Подражая ему, Кэролайн окинула взором горизонт, и ей стало не по себе от мысли, что совсем еще недавно эти дикари, возможно, добывали в этих местах скальпы. Два

кролика, выскочив чуть не из-под колес фургона, скрылись в траве, так что виднелись лишь черные кончики длинных ушей.

Когда проехали десять — двенадцать миль, вдали появились очертания зданий. Кэролайн обрадовалась, увидев их. Каждая миля на пути из Вудворда, казалось, уносила ее все дальше от безопасного мира, от цивилизации, невзирая даже на то, что каждая миля приближала ее к Корину. Она прищурилась, чтобы получше разглядеть.

— Там другой город? — спросила она.

Хатч тихонько свистнул, и две гнедые кобылы с сильными ногами и мясистыми крупами встали как вкопанные.

— Нет, мэм. Это старый военный форт. Форт Снабжения — так его называют. Скоро мы свернем с большой дороги, и тогда, боюсь, ехать будет тряско.

— Форт Снабжения? Так здесь расположен гарнизон?

— Теперь уже нет. Он заброшен вот уже лет семь или восемь, там никто не живет.

— Но почему здесь были военные? Чтобы защищать людей от индейцев, я полагаю?

— Ну, это, я думаю, была одна из причин. Но по большей части им приходилось удерживать белых, чтобы не селились на индейских землях. Можно сказать, что военные-здесь защищали индейцев от таких, как вы и я.

— О... — выдохнула Кэралайн, ощутив, что ее вернули с небес на землю. Ей стало легче при мысли о военных, охраняющих их ферму от индейцев, и она уже успела представить, как танцует кадрили с кавалерами в щегольских мундирах.

Однако при ближайшем рассмотрении форт оказался приземистой и грубой постройкой, даже не из камня или кирпича, а из бревен и глины. Черные дыры окон выглядели жутко и тревожно. Вздвогнув, она отвернулась:

— А куда же ведет эта дорога?

— Да, в общем-то, особо никуда. Отсюда идет к форту Силл, но с этого конца по ней ездят все больше такие, как мы, чтобы немного облегчить себе путь из города, — разъяснил

Хатч.

Кэролайн посмотрела через его плечо на пустынную дорогу. Поднятая ими пыль снова оседала в колеи. Девушка представила себе эту землю девственной, еще не знавшей руки человека, когда только перст Господа касался ее. Теперь здесь уже имелись мрачные руины и дорога в никуда.

— Скоро будем переправляться через Норт-Канейдиан, миссис Мэсси, но только пусть вас это не волнует, — добавил Хатч. — В это время года с этим никаких затруднений не предвидится.

Кэролайн кивнула и храбро ему улыбнулась.

Река была широкой, но мелкой. Вода покрыла ступицы колес, а

лошадям не доходила до брюха. Хатч ослабил поводья, и животные начали жадно пить, отряхиваясь, так что брызги с их пыльных крупов летели во все стороны, наполняя ноздри Кэролайн запахом разгоряченной шкуры. Она вытерла несколько капелек, попавших на юбку, но только размазала грязь. Выбравшись из воды, сделали остановку, чтобы пообедать, в узорчатой тени тополей, которые цеплялись узловатыми корнями за песчаный берег. Кэролайн, опершись на руку Хатча, выбралась из фургона и уселась на расстеленное им толстое одеяло. Ей было неудобно в тугом корсете, и она почти не разговаривала, сражаясь с ломтем ветчины — его пришлось жевать до неприличия долго — и

кусочком хлеба, раскрошившимся на колени. На зубах скрипели песчинки. Тишину нарушал только шелест колеблемой ветром серебристо-зеленой листвы тополей. Прежде чем фургон снова тронулся в путь, Кэролайн, порывшись в багаже, извлекла оттуда шелковый зонтик с фестонами.

По открытой прерии фургон двигался не так скоро, то подпрыгивая на кочках, то буксуя на зыбучих песчаных прогалинах и в полупересохших болотистых руслах мелких ручьев. Время от времени они проезжали мимо небольших поселений с вросшими в землю, лепящимися друг к другу домишками, построенными здесь, чтобы защитить людей, застолбить участки, положить

начало новой жизни. Однако постройки находились далеко от дороги и попадались все реже. Жаркий день все тянулся, и Кэролайн задремала, покачиваясь на сиденье рядом с Хатчем. Голова ее то и дело падала на грудь, но каждый раз девушка встряхивалась и просыпалась.

— Мы скоро остановимся и переночуем, миссис Мэсси. Полагаю, вы не откажетесь от чашки горячего кофе и удобного ночлега.

— О да! Я немного устала. Еще долго ехать?

— Выходит дольше в таком медленном фургоне. Верхом-то я бы за день домчался, даже без особой спешки. Все, что нужно, это добрый скакун под седлом, а ваш муж

разводит самых отменных лошадей во всей Оклахоме.

— Где мы остановимся на ночлег? В каком-то поселении поблизости?

— О нет, мэ. Нынче вечером мы разобьем лагерь.

— Лагерь?

— Верно. Да не пугайтесь вы так, миссис Мэсси! Я человек с понятиями и рукам воли не даю, — добавил он с кривой усмешкой, увидев расширившиеся от ужаса глаза Кэролайн.

Спустя миг она поняла, что Хатч неверно истолковал ее испуг, решив, что она боится провести ночь с ним наедине. Зарумянившись, Кэролайн потупилась, при этом взгляд ее упал на поясной ремень ее спутника. Рубаха слегка приоткрылась, обнажив

его крепкий загорелый живот. Кэролайн сглотнула и устремила взгляд на горизонт. Сказать по правде, вначале она оробела, осознав, что всю ночь им придется провести под открытым небом, не имея защиты от диких зверей, непогоды и всей этой необузданной дикой природы.

Хатч засветло остановил фургон на ровном участке прерии с более зеленой и пышной травой. Он помог Кэролайн спуститься, и она стояла, не зная, что делать. Все тело у нее болело и ныло. Хатч отцепил фургон и распряг лошадей, похлопав их по спинам. Радостно помахивая хвостами, они отошли немного и стали шумно жевать траву, набирая полные рты.

— Но... не убегут ли лошади? —